

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

59

МЮНХЕН 1990

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Протоиерей Д. Константинов. Рождение истины	1
В. Пирожкова. О разном	3
Д. Штурман. Империя плана (Окончание)	5
А. Федосеев. Социально-экономический словарь	11
А. Родин. Выступление на сессии Ленсовета	14
В. Пирожкова. Ленин и Богданов	15
Д. Штурман. В. И. Ленин	24
В. Пирожкова. Потерянное поколение	32
И. Поснова. Погиб добрый пастырь	37
В. Ерохин. Человек такой не умирает	39
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	39
Письмо в редакцию	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№59

Декабрь 1990

Мюнхен

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

РОЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

*"Живущие во стране и сени смертней,
свет возсияет на вы: яко с нами Бог".*

Что есть Истина? — брезгливо и грустно вопрошал Пилат, обращаясь к Подсудимому, судьбу которого он должен быть решить. Есть ли эта Истина? Не следует ли раз и навсегда закрыть этот вопрос и удовлетвориться реальностью ясных и "беспорных" относительных истин, благо жить с ними казалось проще и лучше.

Проще и лучше? В России когда-то Рождество Христово праздновалось три дня. Целых три дня из уважения и любви к этому светлому и радостному празднику. Три дня страна "ничего не делала" и экономически от этого не страдала, а в общем во многих отношениях процветала и уверенно шла к лучшему будущему. Три дня народ молился, молился крепко и усердно. Многочисленные храмы, их вместе с часовнями и молитвенными домами было около 75000, были наполнены людьми всех сословий и званий. Внешне в эти святые дни жизнь как бы замирала, но внутри этой внешности она была духовным ключом, несравнимым ни с чем.

Люди шли к Родившемуся, неся к Нему свои горести и радости, свою греховность и праведность, свои обиды и достижения, свои бедность и богатства, все несли к Нему на суд, стремясь встретить этот великий праздник пришествия в мир Богочеловека с чистой совестью и с благими делами во имя Его. Праздновали, и это празднование несло свое благодатное влияние через весь год, наставляя и утешая, помогая и восставляя тех, кто в этом нуждался, напоминая, что слова "с нами Бог!" это не церковная риторика, а обетование, имеющее глубочайший смысл, глубочайшее значение.

Пришли сроки, и из закрытых и загаженных храмов Господних не слышалась больше победная песнь — "Рождество Твое Христе Боже наш..." А в оставшиеся немногочисленные "действующие" храмы ночью пробирались верующие, чтобы прикоснуться к

Рождеству, а потом утром шли на работу, напряженно "вкалывая" во имя несбыточной химеры счастливого будущего, будущего безбожного, темного, мрачного, отводящего людей от Истины, вводя их в царство лжеистин. Многое можно сказать по этому поводу, но едва ли это необходимо. И если к началу восьмидесятых годов каким-то чудом сохранилось около 5000 открытых еще церквей, то это является еще одним свидетельством присутствия в нашей жизни благого Промысла, ведущего нас по крестному пути на Голгофу и к тайне Святого Воскресения. Но что такое 5000 открытых храмов по сравнению с 75000 дореволюционного периода? В общем ничто для такой огромной страны, как Россия. Замолкло или почти замолкло благовестие Рождества Христова в нашей стране.

Но, замолкнув в России, оно промыслительно стало греметь по всей планете. Православное "Рождество Твое Христе Боже наш..." стало звучать на бразильских кофейных плантациях под палящими лучами тропического солнца, оно гремело на угольных рудниках Аргентины на границах с холодной Антарктикой, его слышали на нефтяных промыслах Венесуэлы, его с интересом встретили в американских городах, оно пронеслось по канадским лесам, его радостно встречали в заледеневшей Аляске, оно властно прозвучало в странах Северной Африки, оно прошло почти по всему миру. И в этом исключительная заслуга российской эмиграции, и особенно второй ее волны, построившей православные храмы едва ли не во всех странах мира. За границей православные храмы были и в далекие времена Российской империи. Были построены и новые храмы после исхода эмиграции двадцатых годов. Но они были сосредоточены главным образом в европейских странах. И только с приходом послевоенной второй волны православное храмостроительство распространилось едва ли

не по всей планете, за исключением коммунистических стран. И где бы ни был православный храм, в нем всегда во время богослужений раздавалась молитва "о страждущей державе Российской и о православном народе ея во отечестве и рассеянии сущем". Православные эмигранты — россияне в рассеянии сущие обращались к первому Божественному Эмигранту, прося снисхождения для своей многострадальной родины. К какому Эмигранту, спросите вы? Кто это такой? Да ведь Господь, придя в мир, сразу же подвергся гонению, и Святое Семейство должно было срочно эмигрировать и спастись от преследований в Египте.

И сегодня, празднуя Рождество Христово, наша теперь уже немногочисленная православная эмиграция должна обратить свой взор на усталых путников, праведного Иосифа, ведущего за повод ослика, на котором сидела Пресвятая Дева с Божественным Младенцем. Как замечают церковные писатели, они ничем не выделялись из толпы других таких же незаметных и бедных путников. Они спешили, их беспокоила возможность погони и встречи с агентами Ирода. Они спешили поскорее покинуть пределы Палестины и перейти через условную границу современного им Египта.

"Да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего" (Матф. 2,15).

Первая остановка в древнем приморском городе филистимлян Аскалоне, затем богатейшая в то время Газа, крупная ханаанская морская гавань, будущий центр христианства и, наконец, пограничный с Египтом город Рафия (Рафа). А за ним город Пелузиум, морская гавань, являвшаяся стратегическим ключом к Египту. Но все это легко говорится, а если подумать, то становится совсем нелегко. Путешествовать приходилось по жаркой песчаной пустыне, на которой ветер подымал тучи песка. Немилосердно печет солнце, жажда, усталость, холодные ночи с сильными ветрами, песчаные вихри, необходимость отдыха... Но задерживаться долго нельзя: возможна погоня. А Младенец требует ухода, который в этих условиях трудно дать Ему. Несмотря на предельное утомление и жажду, жару, кусающихся насекомых, приходилось все дальше и дальше двигаться в пустыню, проходя десятки километров. А ведь Иосиф был уже в достаточно солидном возрасте. После долгих дней путешествия по пустыне появилась наконец зелень, повеяло прохладой, заблестела вода. Путники приблизились к дельте Нила...

А дальше отдых в древнем местечке Бубастис, исцеление жены одного из жителей

города Аклум, посылка Иродом новых соглядатаев в Египет для убийства Младенца, почти вынужденное путешествие на юг Египта, древний город Билбаис, исцеление умирающего и путешествие вдоль знаменитой Нитрийской пустыни, отделенной в то время от всего мира непроходимыми топями и болотами, а впоследствии ставшей прибежищем христианских подвижников, пустыней, где по выражению изучавших этот вопрос, сам воздух будет насыщен молитвами и песнопениями.

Путешествуя на юг, Святое Семейство достигло древнего города Ом (Гелиополис) недалеко от современного Каира. Пройдя затем ряд городов, путники добрались до города Кузы (Коссия), и в районе его, в деревне Мер, они остались на длительное время. Там они благополучно прожили приблизительно шесть месяцев. Меняя свое местожительство на юге, Святое Семейство вернулось в северную часть Египта и поселилось в Вавилоне, нынешней старинной части Каира. Предание говорит, что Святое Семейство жило в Вавилоне у своих родственников. Жило тайно, т.к. агенты Ирода неоднократно нарушали их покой и принуждали менять свое местожительство. Гонения на Господа не прекращались...

Когда Ирод умер, они возвратились в Палестину тем же путем, каким пришли в Египет, проходя через Билбаис и Кантару и той же караванной дорогой вдоль берегов Средиземного моря. И, придя обратно в свою страну, поселились в Назарете: "да сбудется реченное через пророка, что Он Назореем наречется" (Матф., II, 23). И сегодня, как бы приблизившись к дороге, ведущей на далекую и страждущую родину, но не вступая на нее, мы начинаем диалог с нашими братьями и сестрами во Христе, пребывающими еще пока "во стране и сени смертной", переживающими страдания, приближающие их к дням Воскресения нашей общей родины. Сопутствуя Господу в продолжение семидесяти лет в Его эмигрантских странствиях, мы приблизились к нашей общей встрече, к встрече нового Рождения Спасителя в России, к Его возвращению в эту страну, к тому новому Назарету, где он поселится, вернувшись в Россию, пытавшуюся жить без Него. Разоренная и измученная, обескровленная и униженная, страждущая держава Российская встречает сегодня саму Истину, прося очищения и избавления от страданий, посетивших ее, воспевая вместе с нами, в рассеянии сущими: "Величаем Тя, Живодавче Христе, нас ради ныне плотию рождшагося от Безвестных и Пречистых Девы Марии".

В. ПИРОЖКОВА

О Р А З Н О М

1. Наслоение власти

В конце сентября была сессия Верховного Совета. Писалось и говорилось, что она должна решить, каким путем должно пойти экономическое развитие страны. Депутатам были предложены три проекта экономических реформ: проект Шаталина (программа 500 дней), проект Рыжкова (замедленная программа, сохранявшая надолго плановое хозяйство) и несколько переработанная по желанию Горбачева программа Шаталина.

Привыкший к парламентскому строю человек предполагал, что после обсуждения всех этих программ по ним будет голосование и одна из них будет принята, или все отвергнуты и парламентской комиссии будет поручена выработка новой программы. Но после дебатов по программам голосования по ним не было. Они все оказались отмеченными в сторону не Верховным Советом, а одним взмахом руки генсека. Вместо этого было голосование по недискутировавшемуся вопросу о предоставлении особых полномочий Горбачеву. Они и были приняты. У стороннего наблюдателя дух захватывает. Выглядит как у фокусника, который кладет в цилиндр три разноцветных платка, а потом вытаскивает из него кролика. Только Горбачев вытащил крокодила.

Горбачев пообещал в середине октября дать свой проект хозяйственной реформы. Но этот проект оказался набором неопределенных фраз о направлении на рыночное хозяйство, которое следует взять. Но никаких конкретных мероприятий предложено не было. Так "воз" с хозяйственной реформой и "ныне там". Теперь, в конце ноября, Горбачев снова требует еще одного увеличения своей власти. Он хочет ввести президиальную структуру по типу США и управлять непосредственно без министр-президента. Всепослушный Верховный Совет уже проголосовал подавляющим большинством в принципе за это, но все же предложил Горбачеву через две недели представить конкретный план изменения системы управления государством. Мы не можем ждать с выпуском номера и потому проанализируем новую систему правительства в следующем номере. Но сколько ни меняй систему правления, хозяйственная реформа от этого не сдвинется ни на шаг. Только что опубликован проект нового союзного договора, но и его мы сможем проанализировать лишь в следующем номере.

2. Финансовые манипуляции

В Германии не существует больше партии

SED (Объединенная социалистическая, сиречь коммунистическая, партия). Она переименовала себя в PDS (Partei des demokratischen Sozialismus) в народе эти буквы расшифровывают иначе: Partei der Schuldigen (партия виноватых). Не так давно выяснилось, что эта партия перевела на konto фиктивной фирмы "Путник" 107 миллионов марок. Это была нелегальная манипуляция, т. к. партии не имеют права делать со своими средствами все, что хотят. Они могут употреблять их лишь на определенные нужды партии и должны в них отчитываться перед финансовым отделом. Миллионы были реквизированы, но так возник вообще вопрос, сколько у коммунистов (т. к. они продолжают оставаться коммунистами) денег. Их лидер, ловкий, такой обтекаемый, с маслянистыми глазами, Грегор Гизи назвал сначала сумму в 2 миллиарда, потом поправился, сказав, что ее надо удвоить, 4 миллиарда. Но большую часть они теперь пожертвуют благотворительным организациям, чтобы избежать реквизиции, т. к. это деньги, награбленные у народа еще в период коммунистического владычества. Однако есть сведения, что у ПДС не 4, а несколько десятков миллиардов марок.

Якобы не существующая уже SED подпольно частично существует. Ей удалось своих людей удержать на многих командных высотах в хозяйстве в бывшей ГДР, и они еще и сейчас снабжают себя деньгами из предприятий, остающихся государственными, например, из доходов железной дороги. Да и ряд приватизированных предприятий им удалось взять в свои руки. Есть мнение, что и в СССР коммунисты хотят это сделать еще до введения рыночного хозяйства (если его вообще когда-нибудь введут).

3. Помощь голодающим

Сейчас в Германии широко развернулась кампания по помощи населению Советского Союза продуктами питания. Разные организации, Красный крест, Каритас (католическая благотворительная организация), лютеранская благотворительная организация, организация Кап Анамур (того парохода, который спасал вьетнамских беженцев, выходивших в открытое море на своих маленьких джонках, только бы бежать от коммунизма) и другие собирают деньги, пакуют пакеты и везут их в русские города. В Гамбурге, городе-побратиме Ленинграда, целые школьные классы под руководством учителей жертвовали, паковали пакеты и несли их в гавань, откуда их морем привезли в Ленинград. Германское правительство намерено отдать населению СССР желез-

ные резервы Берлина, хранившиеся на случай новой блокады Западного Берлина и ставшие теперь ненужными. Коль обещает в крайнем случае даже организовать воздушный мост, как это сделали американцы для Западного Берлина во время его блокады в 1948 г. Остается только надеяться, что вся эта помощь попадет действительно в руки нуждающихся, а не растечется по темным каналам, как это было в значительной степени с помощью Запада армянам после землетрясения.

4. Фанатизм и ненависть

В то время, как люди в нашей стране страдают от недостатка самых необходимых предметов, прежде всего продуктов питания, до нас оттуда доходят, к сожалению, не только голоса людей, рвущихся к свету, к истинному христианству, к свободе, но и голоса злобы и фанатизма. Удивляться этому не приходится. Ведь не могло же остаться без последствий 73-летнее "воспитание" людей коммунистической диктатурой. Но вдвойне грустно, когда такой голос исходит из уст священника.

В журнале "Земля", органе Союза христианского возрождения, № 12 о. Лев Лебедев в статье "О патриаршестве" пишет, что когда на Божественной Литургии произносится молитва об объединении Церквей, то имеются в виду только православные Церкви. Вот они, так широко разбившиеся на автокефальные и поместные, на национальные и на различные юрисдикции, должны объединиться. Нет, автор не перечисляет всех родов разъединения православных поместных Церквей. Это мы уж от себя пояснили. Но он считает, что слова Спасителя "Да будут все едины" относятся лишь к православным. О других христианах он говорит так: "И распространять это на "церкви" неправославные — это будет просто кощунственным. Вы не представляете себе, как русские люди в 17-м веке смотрели на католиков, протестантов. Это вообще не считалось христианством. Даже было выражение: "Христиане и папешники, лютеры, кальвины", т. е. "папешники, лютеры, кальвины" — не христиане, и говорить с ними не о чем. Вот такого же мнения придерживаются сейчас лучшие богословы." (стр. 55–56)

"Лучшие богословы" — это, вероятно, те, которые нравятся о. Лебедеву. Так или иначе, они остаются анонимными. Мы же попробуем обратиться не к анонимным "лучшим богословам", а к вполне определенному лицу, нашему Спасителю Иисусу Христу. Что сказал Он? "Итак, идите, научите все народы." Это какие же народы? Только православные? Но, стойте, разве тогда были вообще народы, которые называли себя православными? О. Ле-

бедев считает всех западных христиан не христианами и заявляет, что и говорить с ними не о чем? То есть как это? А наказ Иисуса Христа? Или он недействителен для христиан? Ах, вы не считаете западных христиан христианами, так и идите к ним и говорите с ними, научите их, если по вашему мнению, они не знают, не понимают, ошибаются. Но нет, видите ли, "и говорить с ними не о чем". Считая себя единственно христианином, о. Лебедев одним взмахом руки отменяет то, что заповедал Христос. Не узурпирует ли он имя христианина? Ведь оно все же идет от Христа, заветы Которого он так высокомерно отвергает.

Конечно, в высшей степени нелепо отказывать другим христианам в имени христиан. Отказывать даже католической Церкви, хранящей в полноте все св. Предание и св. Писание, не отбрасывая и первых слов Спасителя из Евангелия от Матфея 16, 18, как это, увы, нередко делают православные авторы.

Но посмотрим, что идет дальше у о. Лебедева. Он ссылается на какого-то архимандрита, "замечательного человека, человека высокой духовности", но, конечно, тоже анонимного, который "доказал", что "так называемые церкви католические, протестантские, лютеранские и пр., это, без сомнения, еретические объединения". И тут о. Лебедев впадает в противоречие сам с собой, т. к. если католики, лютеране и пр. вообще не христиане, то они не могут быть и еретиками. Буддистов или мусульман нельзя назвать еретиками. "Ересь" — это понятие внутрехристианское, происходит от греческого слова "выбор" и означает не полное принятие св. Писания или св. Предания, но все же принятие. Так что уж о. Лебедеву придется выбирать: или вообще не христиане, или еретики.

А об общении с этими (не христианами или еретиками?) анонимный архимандрит пишет: "Диалог любви, т. е. союз людей, невозможен без союза (ов)..." (Что это за тавтология? В. П.) И слова любви, которые выдвигают наши... — это ложь, исходящая от отца лжи — дьявола." (стр. 56)

Что ж, человек может лгать и обманывать, говоря слова любви. Но сам диалог любви между христианами — это великое дело. Видимо, о. Лебедев считает, что любить можно только "своего", что только "свой" — это ближний (вопрос: являются для него все православные своими или же только члены одной определенной юрисдикции?). И снова мы противопоставим анонимному архимандриту, на которого ссылается о. Лебедев, вполне определенное Лицо, нашего Спасителя Иисуса Христа. Откроем Евангелие от Луки 10, 30–37. Разбойники ограбили путника, изранили его и оставили при дороге умирать. Священник прошел мимо, левит прошел

мимо, — это были, видимо, “свои”, а вот “чужой”, самарянин, позаботился о нем. И именно его Спаситель называет ближним для впавшего в несчастье.

Сейчас немецкие католики и лютеране, о которых о. Лебедев говорит с такой ненавистью, жертвуют продукты, вещи, деньги для народов СССР, православных, в первую очередь, поскольку они вообще верующие. Жертвователи не спрашивают о вероисповедании впавших в нужду. Будем же надеяться, что и те православные, которые получают помощь от католиков, лютеран и представителей других христианских вероисповеданий, не последуют завету Спасителя и посмотрят на помогающих им как на своих ближних, как на братьев и сестер во Христе и будут с любовью о них молиться и с ними говорить, если к этому представится возможность.

Мы бы не уделили о. Лебедеву столько места, если б он не печатался в журнале, являющемся органом союза, называющего себя претенциозно Союзом христианского возрождения, и если б мы этих страшных нехристианских течений ненависти не наблюдали среди православных то там, то здесь. Храни нас всех Господь от этого духа фанатизма и ненависти!

P.S. 26 ноября в Мюнхене выступил

бывший агент КГБ, перешедший на сторону Запада, Олег Гордиевский. На этих днях вышла также в свет его книга под названием: “КГБ, история заграничных операций от Ленина до Горбачева”. Гордиевский сказал, что, несмотря на перестройку, ядро системы осталось неизменным. Все важные позиции занимают по-прежнему коммунисты. Страна от центра до самой далекой провинции наполнена, как и прежде, информантами, стукачами, сексотами и офицерами КГБ. В лагерях и психушках все еще сидят преследуемые, и Гордиевский не понимает, отчего Запад свою денежную помощь (одна Европа к концу года дает Горбачеву 30 миллиардов нем. марок кредитов) не ставит получение помощи в зависимость от выполнения декларации о правах человека.

При Горбачеве КГБ расширил свою заграничную деятельность. Он организовал новые резидентуры в Чили, Бразилии, Израиле и Южной Африке. Маркус Вольф, быв. начальник Stasi (вост. германский КГБ) для которого в Зап. Германии имеется ордер на арест, по-прежнему заботится о том, чтобы бывшие агенты Stasi работали на КГБ. В Гамбурге, Бонне и Мюнхене находятся многочисленные сотрудники КГБ. Особенно германские меди инфильтрированы агентурой, КГБ дает им также много ложной информации.

Д. ШТУРМАН

ИМПЕРИЯ ПЛАНА

(Окончание, нач. в №57)

Долгое время в природоохранной литературе гибель Великих Американских озер приводилась как пример неизбежных последствий индустриализации. Сконцентрировав усилия, федеральное правительство и правительства штатов смогли не просто улучшить ситуацию, а восстановить жизнь в озерах, где сейчас вновь начался даже промысел лососей. И хотя это обошлось стране в 11 млрд. долл., промышленность от принятых мер не пострадала, а выиграла, перейдя на более совершенные безотходные и малоотходные технологии”. (Там же, стр. 242.)

Дополним акад. Яблокова. Его коллегамедик проф. А. И. Воробьев в письме в редакцию “Нового мира” по поводу последствий Чернобыльской катастрофы пишет:

“В Хиросиме и Нагасаки в 50-е годы были созданы специальные диспансеры, хорошо оснащенные современным оборудованием. В этих диспансерах раз в год обязательно осматривают пострадавших в атомной бомбардировке. В эти диспансеры они могут обращаться по поводу любого заболевания. Вот и все. А результат оказался поразительным: пережившие атомную бомбардировку люди

хотя и заболевают опухолями несколько чаще других своих соотечественников, но в целом живут несколько дольше именно за счет отлично поставленной диспансеризации. А ведь в Японии очень высокая средняя продолжительность жизни, и прибавка к средним цифрам нескольких месяцев достигается огромным трудом”. (“Новый мир” № 3, 1989; стр. 262.)

В сверхиндустриальной перенаселенной Японии, перенесшей две атомные бомбардировки, повторим, самая высокая в мире средняя продолжительность жизни. Далее акад. Яблоков замечает:

“...Потребление свежей воды на единицу промышленной продукции в СССР многократно (!) выше, чем в большинстве развитых стран, КПД оросительных систем в передовых в этом отношении странах превышает 0,9, у нас — только 0,6 (до 40% воды теряется при орошении в европейской части, 60% — в Средней Азии) и т. д.”. (В сб. “Перестройка: гласность — демократия — социализм. ИНОГО НЕ ДАНО”. Изд. “Прогресс”. М., 1988, стр. 248.)

А. Яблокову вторит его коллега, акад. М. Лемешев. В том же сборнике, в статье "Экономические интересы и социальное природопользование" он пишет (там же, стр. 263–264, 268):

"В оставшиеся три года пятилетки (1988–1990 гг.) намечается снизить металлоемкость национального дохода страны на 6,9, а энергоемкость на 5,3%. Такие темпы снижения ресурсоемкости не отвечают имеющимся резервам в нашем производстве, а главное — они явно недостаточны для экологически допустимого развития производства и его воздействия на окружающую среду. Для сравнения укажем, что в экономически развитых странах темпы снижения ресурсосбережения намного выше. Так, за 1971–1985 гг. энергоемкость валового национального продукта в США сократилась на 33, а в Японии на 78% (М. Лемешев, Земля тревоги нашей. "Комсомольская правда", 10 февраля 1988 г.). Следует иметь в виду, что такое снижение в указанных странах было достигнуто при гораздо меньшей исходной материалоемкости производства по сравнению с СССР.

Следует ясно отдавать себе отчет в том, что при планируемых высоких темпах роста производства и таких ничтожных заданиях по его интенсификации достижение гармонии между экономикой и экологией вообще недостижимо.

...Перманентный рост производства промежуточных продуктов работниками плановых и хозяйственных органов обычно обосновывается необходимостью преодоления дефицита этих продуктов. При этом лица, принимающие решения, как бы не замечают того удивительного факта, что с ростом производства недостающих продуктов, при сохранении сложившейся структуры производства их дефицит не ликвидируется, а, напротив, резко возрастает. Покажем это на примере электроэнергетики. В 1960 г. в СССР производилось 292 млрд. кВт.ч электроэнергии. В 1987 г. ее производство возросло до 1665 млрд.кВт.ч, т. е. в 5,7 раза ("Правда" от 24 января 1988 г.). Между тем дефицита электроэнергии в 1960 г. в явной форме не наблюдалось. Электрички в ту пору ходили по расписанию, улицы в городах были освещены, заводы, фабрики и шахты работали без перебоев, хотя коэффициент сменности в промышленности был выше, чем теперь. В 1987 г. из-за дефицита электроэнергии и резких перебоев в электроснабжении многие промышленные предприятия пришлось переводить на скользящие графики, проще говоря, допускать перебои в работе, что особенно пагубно сказывается на предприятиях с непрерывным производственно-технологическим процессом". ("Правда", 26 апреля 1987 г.)

Весьма характерно, что авторы всех трех

экологических статей сборника "...ИНОГО НЕ ДАНО" отчетливо видят виновников губительной абсурдности советской природоохранной стратегии и тактики: у С. Зальгина — это Минводхоз, у А. Яблокова — главным образом, специалисты-химики; у М. Лемешева — планирующие инстанции как таковые. Интеллектуалы националистического "правого" (в нынешней советской терминологии) края обвиняют в тех же грехах "малый народ", то есть западников и евреев, а социалистические либералы — номенклатурную партбюрократию. Недавно один из просвещенных советских гостей сказал мне, что главным достижением "гласности" он считает исчезновение из общественного сознания всезаслоняющей злокозненной фигуры врага. Мне же представляется, что эта фигура отнюдь не исчезла, а расслоилась на множество контуров и теперь враг у каждого круга свой. Правда, есть, и в немалом количестве, утешительные исключения, зрящие, по Козьме Пруткову, в корень.

Ближе всего к проблемам экологическим стоят в экономике проблемы сельскохозяйственные. В СССР очень распространена точка зрения, что советскому сельскому хозяйству недодано городом и государством. Но это такая же фикция, как недостаток воды в Средней Азии. Странники этой точки зрения, пытаясь ее обосновать, запутываются в логических противоречиях. В газете "Аргументы и факты" № 8 за 24 февраля — 2 марта 1990 г. на стр. 4 помещена статья "Из заколдованного круга". Автор — директор крымского совхоза-завода "Виноградный" кандидат экономических наук Г. Авраамов — пишет:

"Город — село. Я согласен с теми, кто говорит, что город в большом долгу перед селом. Долгие годы развитие промышленности, материальной и социальной базы города шло за счет деревни. Из села в город был непрерывный поток рабочей силы. Чтобы приостановить этот процесс, сталинские методы совершенно неприемлемы, так как близки к крепостному праву. А путь таков: так же, как мы занимались городом, мы должны заняться и селом.

Когда в деревне нет электричества, дорог, хороших амбаров, больниц, школ, клубов, кто останется в ней работать?

Для справки: по сравнению с предыдущим годом в 1989 г. ввод жилья на селе сократился на 9%. Не введено 33% детских садов и яслей, 38% поликлиник, 37% домов культуры.

Из ничего ничего не бывает. Этот закон будет существовать во веки веков.

Техника. Наш плуг служит всего 2–3 года. Почему так мало? Потому что качество металла плохое, оно совершенно не соответствует предусмотренным технологиям. И он, ясное дело, изнашивается за короткий срок.

А хороший металл идет на вооружение. Японцы производят плуг, который работает 40 лет. Цель наших министерств — выпускать дорогую по цене и металлоемкую технику, совершенно не задумываясь, насколько она отвечает требованиям сельчан.

Для справки: как признался один из руководителей Госплана СССР, ежегодно в сельское хозяйство страны поступает 350 тыс. тракторов, а 300 тыс. — списывается”.

Помилуйте, какие же денежные и материальные инъекции здесь помогут? Даже двадцать пять миллиардов долларов, которых требует от президента Буша на спасение Горбачева и двадцати пяти миллионов (?!?) советских евреев А. Янов, такой же, по-видимому, экономист, как историк (см. хотя бы ст. В. Козловского “Прямые авиарейсы и поправка Джексона” (“Новое Русское Слово” от 7 марта 1990 г.) или ст. Б. Езерской “Чего не дали сказать профессору Янову”, содержащую запись ее беседы с ним (“Новое Русское Слово” от 14 марта 1990 г.), исчезнут в этой бездонной прорве, как все предыдущие вложения. А было их, вопреки ходячему заблуждению, астрономически много. А. Беккер в газете “Московские новости” № 10 от 11 марта 1990 года сообщает (стр. 10):

“Смерть за аренду

Нынешнее появление на горизонте частника определенные слои населения приписывают “козням” ученых и подпавшим под их теории государственным лидерам. Однако корень явления основательнее — всеобщий кризис агрокомплекса.

Капиталовложения. Около 1 триллиона рублей растревало сельское хозяйство за 30 лет, не выйдя на мировые рубежи НТР.

Финансовая сфера. За последние 25 лет с колхозов и совхозов списано 26,7 млрд. руб. долга. Сумма отсроченных платежей по кредитам банка составляет 145,5 млрд. руб.

Производство. В 80-е годы прирост сельхоз-продукции едва покрывает прирост населения страны.

Земледелие. Ускоряется деградация почв: из 200 млн. га пашни смыт 41 млн. закислены — 52, выветриваются — 93.

Продовольственный паралич смягчается лишь импортом съестного — на 8,7 млрд. инвалютных руб. только за 1988 год”.

Так куда же еще тут вкладывать капиталы? Непростительно щедрые (при столь вопиющей бедности собственного населения) средства руководство СССР уделяет своим идеологическим партнерам (или бывшим недавно таковыми, или только еще обхаживаемым) за рубежом. “Московские новости” № 49 от 3 декабря 1989 года опубликовали на стр. 6 за подписью кандидата исторических наук А. Кор-

тунова статью “Щедрость или расточительство” с подзаголовком “Заметки о советской экономической помощи”. Вот что он сообщает:

“В расходной части бюджета СССР на 1990 год предусмотрено выделение 26421362 тыс. руб. на “финансирование внешней торговли, расходов по государственным, банковским, коммерческим операциям, оказанию безвозмездной помощи иностранным государствам и другим расходам по международным связям”. Чтобы собрать такую сумму, каждый житель — от новорожденных до седых стариков — должен выложить за год почти по сотне рублей. В законе о бюджете не сказано, на какие конкретные цели пойдут эти средства.

Сахар с горчинкой

Ясно, однако, что львиная доля из двадцати шести миллиардов придется на помощь зарубежным странам. По данным МИД, в текущем году ее общий объем составил более 12 млрд. руб., или 1,4 проц. ВВП.

По соотношению помощи и ВВП СССР превосходит ФРГ в три раза, Великобританию — в три с половиной раза, США — почти в шесть раз. Отставание СССР от ведущих западных стран по основным показателям экономического развития в 80-е годы несколько не отразилось на этом соотношении.

Программы помощи выглядят более чем внушительно и в сравнении с другими статьями госбюджета. Сумма в 12 млрд. на треть превышает расходы на науку или на правоохранительные органы, в три с половиной раза — расходы на образование, профессиональную подготовку, культуру, искусство и средства массовой информации, вместе взятые, в 21 раз — затраты на здравоохранение и физическую культуру. Эта сумма почти равна всем расходам на мероприятия по повышению уровня жизни народа в 1990 году (13,4 млрд. руб.).

Подобную щедрость хотелось бы интерпретировать как свидетельство приоритета общечеловеческих интересов над национальными в политике СССР. Но разве мы помогаем самым нуждающимся? Географическое распределение нашей помощи показывает, что это не так. По западным оценкам (в дальнейшем придется оперировать главным образом западными оценками ввиду отсутствия официальных советских данных), из всего объема экономической помощи не менее четверти — около 3 млрд.руб. в год — приходится на Кубу. Известно, что мы покупаем кубинский сахар по цене, в четыре раза превышающей среднемировую”.

По более позднему советским данным — в 11 раз.

Далее следует:

"Между тем субвенции из госбюджета, выделенные Киргизии на будущий год, составляют 555453 тыс. руб., а Таджикистану — 405784 тыс. руб.

Иными словами, обе советские республики, вместе взятые, получают в три раза меньше средств, чем далекий остров в Карибском море.

Не только социалистические, но и многие страны "третьего мира", получающие советскую помощь, отличаются авторитарными или диктаторскими методами правления, культурами лидеров, жестоким преследованием оппозиции, коррупцией.

Но главное, на мой взгляд, даже не в этом. По западным оценкам, экономическая помощь СССР составляет не более одной трети от его военной помощи другим странам. Военная помощь, по всей видимости, по крайней мере частично проходит по другим статьям госбюджета, в частности по статье расходов на оборону. С учетом военной помощи доля средств, отрываемых от народного хозяйства СССР, значительно превышает 1,4 проц. ВВП.

На Советский Союз приходится менее 5 проц. общемирового экспорта. А советский экспорт оружия, по западным оценкам, составляет 28 проц. мирового (32 проц. военных поставок в страны "третьего мира"). В 80-е годы в среднем 25 проц. всех вооружений, производимых в СССР, экспортировалось.

...Слово "экспорт" в данном случае не должно вводить в заблуждение. Только очень немногие, главным образом нефтедобывающие страны "третьего мира" способны оплатить поставки вооружений (да и они в последние годы делают это все менее охотно). Подавляющее же большинство получателей оружия покупают его в долг (у Эфиопии, Анголы, Южного Йемена эти долги исчисляются миллиардами рублей). Оплата долгов все откладывается, а нередко долги просто списываются.

На определенном историческом этапе советская военная помощь способствовала укреплению независимости молодых государств. Но во многих случаях она способствовала и деформации их политического развития, чрезмерному влиянию военных, милитаризации всей общественной жизни. Подчас эта помощь стимулировала авантюризм во внешней политике, воинственность в отношении соседей. Советская военная помощь используется репрессивными режимами для подавления внутренней оппозиции, национальных меньшинств и религиозных движений".

Можно ли удивляться тому, что в СССР эпохи "гласности" развернулась во всю свою мощь плеяда блестящих сатириков, сарказм которых горше черныбыльских анекдотов с их зловещим антиюмором? Ведь даже бесхит-

ростные письма читателей в редакцию выглядят нередко, как монологи Жванецкого, или Хазанова, или Задорнова, или Татьяны Толстой. Судите сами:

"Круговорот сала в природе"

Чтобы купить телевизор, нашим молодоженам пришлось сдать 30 кг цветного металла. А где его было брать? Спасибо, люди умные подсказали. Одна фляга весит 9 кг. Купили 3 фляги, разбили, добавили немного кастрюлями (тоже побитыми). Чтоб купить обувь или вообще какую-нибудь вещь, нужно сдать цветной металл, тряпье, бумагу, шерсть, сало. Люди и сдают, а что им остается делать? Выпустил завод фляги, люди их разбили. Поступили матрасы — порвали, подгрязнили — сдали на тряпье. Хорошо и плохим писателям в этой ситуации — в киосках все скупается. А сало? Прямо план перевыполняем!!! Привезли партию тупель, на 3 кг сала дают одну пару. Все — в магазин, купили сала, и я тоже, сдала в заготконтору, заготконтора — в магазин, следующий покупатель покупает этот же кусок и несет в заготконтору, и вот — "круговорот воды в природе". Государству, наверное, выгодно: я, к примеру, зараз и вещь куплю, и 2—3 матраса (пусть я их порву, деньги-то я внесла).

Но разве так можно?

И еще интересно — это у нас тут так или по всей стране такое творится? И какой же умник это придумал?

Т. Маслабоева,
пос. Видзы, Витебская обл.
("Аргументы и факты" № 17,
1990 г., стр. 3).

И каков же прогноз дальнейшей эволюции этой странной плановости, этой непостижимой научности, всегда приводящей к непредсказуемому результату, как правило, противоположному заданной цели?

В газете "Московские новости" № 1 от 7 января 1990 года, на стр. 11, под рубрикой "Экономика" и красноречивым заголовком "Вытянет ли год лошади воз экономических проблем", полемизируют экономисты Борис Пинскер и народный депутат СССР, член-корреспондент АН СССР Николай Петраков. Прогноз первого, мягко говоря, неблагоприятен; прогноз второго — условно оптимистичен. Поскольку объявленные Н. Петраковым условия возрождения социалистической экономики заведомо нереальны и поскольку мне много раз приходилось писать о Н. Петракове как о виртуозном закройщике мнимого платья для голого короля, то я буду ссылаться только на Б. Пинскера. Он не подвержен в своих всегда компетентных

работах идеологической конъюнктуры. Но уж его придется процитировать достаточно широко, ибо он лаконичен и не прибегает к игре словесными фикциями:

“Мы оттягиваем реформы, выжидая более благоприятных условий уже 5 лет. За это время условия существенно ухудшились и будут только ухудшаться. Что говорить о 1990 году? В таком контексте краткосрочные прогнозы имеют не много смысла.

...Отказ от радикальной реформы был бы чреват в перспективе через 10–15 лет — следующими результатами:

— При избытии сырьевых товаров на мировых рынках наш традиционный экспорт будет относительно дешеветь, а импорт — дорожать, что приведет к сокращению объема внешней торговли и падения кредитоспособности в СССР. Следствием будет не только дальнейшее падение уровня снабжения населения, но и вынужденный отказ от модернизации ключевых отраслей промышленности, в том числе обслуживающих военно-промышленный комплекс.

— Попытка замедлить процесс сокращения внешней торговли приведет к усилению “сырьевого крена” экономики, к увеличению вложений в добывающие и перерабатывающие отрасли. Прямым результатом окажется обострение уже наметившихся транспортного и энергетического кризисов. При сохранении существующих пропорций хозяйствования и для поддержания развития преимущественно энергоемких и материалоемких отраслей необходима срочная и масштабная реконструкция транспортного и энергетического комплексов — задача трудноразрешима даже в благополучные времена. Необходимость осуществлять эти задачи одновременно с форсированным развитием сырьевых отраслей потребует существенно сократить потребление. Неспособность же вовремя провести модернизацию транспорта и энергетики не позже середины 90-х годов приведет к массовым заторам на транспорте и сбоям в энергоснабжении.

Результатом этих процессов будет ускоряющееся отставание уровня жизни населения как от развитых капиталистических, так и от многих стран “третьего мира”.

Усиление кризисных явлений в экономике вызовет неблагоприятные изменения в политической и социальной жизни: ...реальностью станут рост ожесточения и углубление социальных конфликтов, которые примут форму конфликтов национальных и межрегиональных. Частично мы это наблюдаем.

...Неблагоприятность будущего, предвидимого в случае провала реформы, обостряется тем, что переход от нынешнего состояния возросших ожиданий и политической активности (как ответ на политику перестройки, гласности и демократизации) к новому адми-

нистративному зажиму не может быть ни легким, ни простым. Крутой поворот может потребовать усилий не только МВД и КГБ, но и частей регулярной армии. Иными словами, череда переворотов, бунтов может начаться намного раньше, чем экономическая и социальная ситуация станут действительно непереносимыми. То есть реализация основных пунктов прогноза может ожидаться не через 10–15 лет, а через 1–2 года после обращения правительства к военной силе. Наконец, несомненно, что правительство может быть действительно спровоцировано к вооруженному вмешательству ростом политического радикализма тех или иных групп населения. При этом оправданием экстремизма, залогом его жизнеспособности окажется нерешительность правительства в деле реформы”.

Краткосрочный вариант “неблагоприятного прогноза” Б. Пинскера представляется мне более вероятным, чем долгосрочный. Сама постановка вопроса: “нерешительность правительства в деле реформы” — не исчерпывает сложности ситуации. Дело не только в готовности или неготовности правительства к фундаментальным реформам, но и в объективной сверхсложности их проведения. Огромный многонациональный, этнически и социально конфликтный, деклассированный в производительном смысле (нет крестьян и предпринимателей), экологически вырожденный конгломерат СССР уже слишком хаотизирован для сравнительно мирной положительной реформации.

Приведу один зарубежный прогноз относительно будущего СССР. Парижская газета “Русская мысль” № 3815 от 16 февраля 1990 года опубликовала на стр. 7 под рубрикой “Запад и Советский Союз” материал “Энергетический кризис в Советском Союзе”. В нем, в частности, сказано: в СССР “в течение первых семи месяцев прошлого года добыча нефти упала на 10,5% по сравнению с 1988 годом. Добыча угля, парализованная прошлым летом рабочими забастовками в Западной Сибири и на Украине, снизилась на 20,7 миллиона тонн...”

“У них больше потенциальных запасов под вечной мерзлотой в Сибири, чем в остальном мире, но они не могут до них добраться, — говорит американский нефтяник Джек Эванс. — Они отчаянно нуждаются в западной технике. Когда они бурят новые скважины в сибирской вечной мерзлоте, то эти скважины рушатся. Русская нефтепромышленная технология примитивна и совсем устарела. В Венгрии Советский Союз пустил 5 нефтеперерабатывающих заводов, а я бы их все пустил на свалку”.

По словам специалистов, Советы вынуждены искать новые запасы в невозможных условиях по той причине, что они бесхозяй-

венно отнеслись к огромному количеству доступных запасов.

Они проводили мокрую закладку в только наполовину эксплуатируемых нефтепромыслах, чтобы выхолостить еще остающиеся там запасы. Но в такой операции, если накачивать слишком много и слишком быстро, то нужно это делать осторожно. А они по старой привычке работали как сумасшедшие, и выходила халтура. Теперь, чтобы добыть большую часть этих испорченных запасов, каждый баррель обошелся бы в 100 долларов. Сибирские запасы — это единственные запасы, которые у них еще есть.

Советы растранили свои богатства тем, что "отработали" свои нефтепромыслы в течение последнего брежневского десятилетия, когда увеличенная добыча нефти составляла их главный источник экономического роста.

"От 70 до 96 процентов залежей Западной Сибири, т. е. приблизительно 5 миллиардов тонн, было получено из 4-х или 5-ти гигантских промыслов, которые нынче находятся в последней стадии своего цикла жизнеспособности", — сказал Лесли Динес, аналитик радио "Свобода".

Каждый день приносит новые данные: газета "Московские новости" № 20 от 20 мая 1990 г. в статье своего спецкорреспондента В. Гуревича "Какого мы роста", помещенной на стр. 6, сообщает:

"Чем больше мы пытаемся разобраться в своей экономике, тем меньше остается "истин", на которых покоились наши представления о ней. Международная конференция "Сравнивая экономику СССР и США: производство, потребление, военные расходы", проходившая недавно под Вашингтоном, показала: разрушение догм еще впереди".

Кто стоит за местоимением "наши"? О чьих и каких догмах идет речь? Огромная многоязычная, в том числе — неподцензурная и зарубежная русская литература предсказала, обосновала и продолжает показывать и аргументировать беспочвенность "ваших" представлений, не просто порочность, но злокачественность давно опровергнутых мыслью и жизнью догм.

То, что это почти уже роковое "мы" включает в себя не только ЦСУ, но и ЦРУ, не только советскую образованщину, но и большинство западных прогрессивных интеллектуалов, многим исследователям, в том числе Игорю Бирману (до того, как стать "главой консультационной фирмы из Мэриленда", он был москвичом), стало ясно далеко не вчера. Но "вы" их в упор не видели. Теперь приходится удивляться:

"По данным ЦРУ, например, валовой национальный продукт нашей страны составляет 50 с небольшим процентов от ВВП США. Именно таким был на Западе традиционный

взгляд на мир, и он почти совпадал с нашим, причем Госкомстат казался даже "объективнее": из его оценок выходит, что советский ВВП чуть меньше 50 проц. от американского.

Пожалуй, гармония этих цифр теперь непоправимо нарушена. "Когда десять лет назад, — признался на конференции Игорь Бирман, глава консультационной фирмы из Мэриленда, — я пришел к выводу, что советский ВВП не достигает и 20 проц. от США, то испугался: я был один, а их было двое — ЦРУ и ЦСУ. И написал: больше 20 проц.". Это тоже был вызов, но перчатку даже не заметили... Материалы сегодняшней конференции в США не просто заметили — восприняли как международное событие. В частности, цифру, которую обосновывал в своем докладе советский экономист Виктор Белкин: ВВП СССР — 14 проц. от США. То есть мы делим с Индией 7—8-е места.

...ГОВОРИЛИ РАЗНОЕ. Но никто не повторил официальной цифры советских военных расходов — 70 с небольшим миллиардов рублей. Ни один из участников конференции не считал ее серьезной.

200 миллиардов, то есть близко к 25 проц. советского ВВП — так определил в своем докладе И. Бирман размеры военных расходов в СССР (аналогичные расходы в США — 6 проц. их ВВП)".

Мы не будем целиком переписывать эту замечательную корреспонденцию. Заметим только, что поразившая В. Гуревича нинаандреевская ментальность экспертов ЦРУ и части американских университетских специалистов имеет двоякие корни: с одной стороны, куда большая, чем в СССР, приверженность исходным социалистическим догмам, с другой, как это ни злопыхательски выглядит, — семьдесят с лишним лет виртуозной работы советской агентуры влияния.

Итак, согласно приведенным выше данным, ВВП СССР составляет сегодня 14% ВВП США; причем на военные цели СССР тратит 25% своего ВВП, а США — 6%. Следовательно, при более чем четырехкратном относительном превышении расходов (25% ВВП против 6%) СССР способен затрачивать на военные нужды почти вдвое меньше реальных средств и ресурсов, чем США!

Не означает ли это, что в самом важном для себя вопросе (сохранение статуса сверхдержавы) Кремль в долгосрочной перспективе теряет власть над событиями? Разумеется, в наш ядерный век удар по планете он может нанести чудовищный. Но все же, все же... Таких компьютерно управляемых систем, как СОИ (Стратегическая Оборонительная Инициатива, США), СССР уже построить не может: это ему не только не по карману, но и не по умению. А. Д. Сахаров, правда, считал, что СОИ априори неэффективна.

Однако на Западе многие специалисты с ним несогласны, причем не без опоры на эксперименты.

Газета "Новое Русское Слово" от 8 марта 1990 года сообщила, ссылаясь на интервью акад. Л. И. Абалкина, что "с началом текущего года объем промышленного производства в СССР ежемесячно сокращается на один процент". С тех пор появился ряд других официальных сообщений о прогрессирующем сокращении валового национального продукта

СССР. Нельзя безоговорочно экстраполировать эти данные на будущее, но ясно одно: система хозяйства, которую мы только что окинули беглым взглядом, не является ни научной, ни плановой, иначе она не пришла бы в своем развитии к настолько самоуничтожительным результатам.

Почему это так и возможно ли в принципе эффективное глобально-плановое хозяйство, мы рассмотрим в следующей главе.

Начинаем печатать серию статей из социально-экономического словаря А. Федосеева.

Редакция

А. ФЕДОСЕЕВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

1. Групповой эгоизм

А. Надвиков, генеральный директор производственного объединения СССР "Калибр": "При разгуле группового эгоизма, при стремлении огромной массы людей любой ценой получить побольше денег руководитель предприятия не может действовать, исходя из общегосударственных интересов. Согласитесь, не все меры, нацеленные на оздоровление экономики, в целом, популярны среди рядовых рабочих, инженеров. Как же я буду осуществлять их, если меня могут сместить простым голосованием?" ("Инженер" 6.90.) Иначе говоря, огромные массы трудящихся, живущих на свою зарплату, хотят ее увеличить. Я бы добавил, что они хотят кроме того облегчить свой труд и улучшить его условия и это они тоже определенно требуют. (Под трудящимися я разумею ту часть населения, которая непосредственно участвует в создании и производстве материальных и духовных ценностей, т. е. инженеров, ученых, ремесленников, рабочих, крестьян, работников транспорта, искусства, образования и т. д. и т. п.). Почему же государственные интересы противопоставляются интересам трудящихся? Ведь СССР есть государство трудящихся. В СССР нет частных собственников, все принадлежит государству. Это — бесспорный факт. Почему интересы трудящихся презрительно называются эгоизмом, да еще и групповым, т. е. эгоизмом каких-то отщепенцев? Разве желание получить больше зарплату и облегчить себе труд не является интересом (эгоизмом), характеризующим любого трудящегося в любые исторические времена и в любом месте нашей планеты? Едва ли Надвиков может утверждать, что у него самого нет личного интереса (эгоизма), вполне аналогичного личным интересам (эгоизму) всех других трудящихся. Он не может, например, не видеть тяжелого материального положения многих и многих своих работников. Наверняка он хотел бы поднять им

зарплату. Это в его личных интересах: ему было бы легче работать со своим "трудовым коллективом". Да и какой человек, даже если он директор и обеспечен лучше других, не хочет улучшения своих личных условий. Если трудящиеся могут действовать прямо и прямо выражать свои интересы, свой эгоизм, Надвинову приходится скрывать свой эгоизм, бороться с ним, чтобы выполнять свой долг защиты государственных интересов. Надвиков имеет перед собой конфликт долга и эгоизма. В разрешении этого конфликта между долгом службы и эгоизмом у Надвикова может быть, в основном, три решения. Если Надвиков устроен по типу СВЯТЫХ людей, он пренебрежет своим эгоизмом, утяжелит себе работу и понизит себе зарплату, давая пример остальным. Толку от этого будет мало. Он может удовлетворить разными сомнительными способами свой эгоизм, но стоять на смерть против эгоизма остальных. Это опасно: ухудшение отношений с "трудовым коллективом" может привести к неуклюжему служебным делам и его снимет с поста государство, если раньше не сделает этого "трудовой коллектив" простым голосованием. Он может, наконец, пойти на сговор со своими трудящимися, удовлетворить свой и их эгоизм, а фальшивой отчетностью обмануть государство. При этом он получит энергичную поддержку своих трудящихся, преуспеет в своих делах и, почти наверняка, получит высокую оценку и от государства.

СВЯТЫЕ, явно, никогда и нигде среди любых народов экономической погоды не делали. Я не думаю, что и второе решение будет популярным. Не так уж много таких прохвостов или фанатиков среди правителей, директоров и начальников у любых народов. Явно, наиболее популярным решением конфликта будет третье. Тем более, что государство трудящихся существует для трудящихся. (Разве не так?)

Легко видеть, что этот конфликт служебного долга и эгоизма существует в СССР для

любого трудящегося, осуществляющего управление и являющегося начальником. От этого не свободен ни Президент страны, ни председатель Верховного Совета, ни директор предприятия, ни даже любой мастер любого производственного участка. Все правители и начальники имеют перед собой этот конфликт. Другое дело, какой вариант выхода из конфликта они выберут для себя, лично. Судя по тому, что зарплаты и, следовательно, цены растут, а продукция трудящихся даже падает, увеличивая дефицит, третье решение в СССР действительно очень популярно среди правителей и начальников. Это, кстати, свидетельствует, что они, в среднем, не прохвосты и не фанатики. Правда, и не святые.

Спрашивается теперь, почему в государстве трудящихся интересы трудящихся и интересы государства разошлись до полной противоположности? Нетрудно заметить, что эгоизм любых трудящихся, включая всех наемных (и избранных) правителей и начальников, всегда и везде является потребительским: побольше зарплаты (и привилегий), полегче труд, получше условия труда. Иначе говоря, трудящиеся, включая всех наемных начальников, хотят лучше жить, т. е. помимо всего прочего иметь хорошее, теплое и светлое жилище, иметь изобилие товаров и услуг за их зарплату, иметь возможность удовлетворить и свои духовные потребности. Разве это не естественно? Это вполне естественно. Беда в том, что все это нужно сначала создать и произвести: жилища, топливо, энергию, пищу, товары, услуги, средства удовлетворения духовных потребностей и т. д. и т. п. А сделать это могут только сами трудящиеся. Иначе говоря, нужно, чтобы потребительский эгоизм трудящихся был бы С ИЗБЫТКОМ сбалансирован каким-то достаточно мощным производительским эгоизмом, способным противостоять миллионам и миллионам трудящихся и способным извлечь из трудящихся больше труда лучше качеством за такую зарплату, которая соответствует производительности труда и не нарушает равновесия цен и затрат. Только в этом случае государство осуществит свою задачу, а население и сами трудящиеся смогут иметь достаточно подходящий им уровень жизни и удовлетворения своих материальных и духовных потребностей, т. е. удовлетворения группового эгоизма. Смысл государственного интереса (эгоизма) и состоит в достижении этого равновесия. А смысл экономической катастрофы состоит в полном, и при том принципиально неизбежном неуспехе государственного эгоизма. Сколько бы ни было в государстве правителей и начальников, но сила действия их служебного долга, конечно, не может даже близко сравниться с силой действия эгоизма огромной массы трудящихся.

А откуда же может взяться настолько мощный и притом противоположный эгоизм, что его сила может преодолеть колоссальную силу эгоизма масс трудящихся? Ясно, что источником такого сверхмощного эгоизма могут быть только люди. С неба этот эгоизм не свалится. Спрашивается, какие же люди могут иметь эгоизм, в точности противопоставленный эгоизму трудящихся, чтобы во взаимодействии с эгоизмом трудящихся осуществить достаточно высокую и постоянно растущую производительность труда и обеспечить тем самым удовлетворение группового эгоизма трудящихся и удовлетворение постоянно растущих нужд всего населения? В государстве трудящихся люди с таким эгоизмом отсутствуют, так как в нем и правители и начальники являются тоже наемными трудящимися, работающими за зарплату и привилегии. Как уже отмечалось, их служебный долг оказывается полностью неспособным выполнить задачу соблюдения государственных интересов. Именно отсутствие необходимого сорта эгоизма в социалистическом государстве и есть причина того, что потребительский интерес много сильнее производительного, а это и привело к экономической катастрофе: все жители много сильнее хотят потреблять, чем производить. Торжествует потребительский групповой эгоизм трудящихся.

Заметьте, что этот групповой, потребительский эгоизм и противодействующий ему долг правителей и начальников действуют в любом государстве, в любой момент многотысячелетней истории. История тоже показывает, что, как правило, служебный долг слабее эгоизма масс. Недаром отдельные случаи выполнения долга человеком в ущерб себе так поражают воображение и так рекламируются.

Эта, в среднем, слабость долга перед эгоизмом отчетливо проявляется и в западных корпорациях, т. е. в акционерных компаниях. Они управляются тоже наемными трудящимися, менеджерами, которые имеют долг службы (перед акционерами) производить прибыли, а эгоизм — потреблять зарплаты и привилегии. Они тоже имеют перед собой конфликт долга и своего эгоизма. За последние сто лет и на Западе стало известно, что прибыли корпораций, в среднем, медленно, но неуклонно понижаются, хотя они уже всегда были, в среднем же, ниже, чем прибыли других производственных организаций. И понятно. Наемные трудящиеся — менеджеры корпораций, удовлетворяя свой эгоизм, повышают себе сами зарплаты до небес, не считаясь с инфляцией и даже банкротствами, заставляя государство помогать им. Журнал "International Business Week" часто приводит данные о зарплатах десяти рекордистов — председателей корпораций. Около 20 лет тому назад 2 миллиона долларов в год было рекордом. В

1988 году рекорд достиг 37 миллионов, а в 1989 году — 54 миллиона. Это во много раз опережает инфляцию. В западной прессе не проходит и одного дня без описаний крупнейших скандалов по поводу незаконного обогащения тех или иных менеджеров корпораций.

Слабость, в среднем, долга перед эгоизмом всегда проявляется, когда люди получают в свое распоряжение (управление) чужие, “ничейные” (государства, корпораций, кооперативов, колхозов, партий, профсоюзов и т. д.) имущество и деньги. “Ничейные” деньги и имущество всегда, везде и во все времена истории представляли сильнейшее искушение присвоить их или использовать в личных интересах. Именно “ничейные” имущество и деньги являются мощным источником взяточничества, расхищения, кумовства, а также бюрократии и спихотехники в силу желания общества поставить это имущество и деньги под (всегда безуспешный) учет и контроль. Кроме того, распоряжение “ничейным” дает начальникам огромную власть над людьми, опасную для населения. История СССР демонстрирует это в 67 миллионах жертв такой власти.

Я думаю, уже вполне ясно, что обладателем необходимого сорта и необходимой мощности эгоизма являются многие миллионы частных собственников-предпринимателей, если они достаточно свободны в своих действиях, господствуют в экономике страны и находятся в жестокой конкуренции друг другу перед потребителями. Именно жестокая конкуренция и превращает их эгоизм в слугу населения. Именно их эгоизм только и может создать перевес производственных интересов перед потребительскими. Именно их совокупный эгоизм в условиях жестокой рыночной конкуренции действует в том же направлении, что и государственный, но слабосильный эгоизм. Именно их эгоизм отлично выполняет ту функцию, которую Надвиков и 18 миллионов его коллег, правителей и начальников выполнить не в состоянии. Если считать социализмом просто высокий уровень духовной и материальной жизни, то именно вышеуказанные частные собственники-предприниматели и являются лидерами и вождями и создателями, так сказать, хорошего социализма. Только они, но только в условиях жестокой конкуренции могут реализовать колоссальный творческий, созидательный потенциал всего населения, обеспечив сотрудничество всех и каждого в деле создания общего духовного и материального благосостояния. Кстати, еще в 1974 году статистика показала, насколько государство нуждается в этих частниках для повышения эффективности экономики и защиты “общегосударственных интересов”. Прибыли 10,87 миллиона частников в США составили, в среднем, 14%. Прибыли 1,06 миллиона

партнерств (два или более собственников) — 6,5%. Прибыли 1,96 миллиона корпораций составили 4,7%. Прибыли государственных предприятий везде отсутствуют. Государственные предприятия работают везде в убыток. Объявляя иногда о прибылях, государственные предприятия умалчивают, что они просто недорасходовали государственную субсидию, назвав остаток субсидии прибылью.

Итак, если “групповому эгоизму” трудящихся не противостоит “групповой эгоизм” именно частных собственников-предпринимателей, развитие экономики, раньше или позже (после первого периода социалистического или корпоративного энтузиазма), затормозится и может стать отрицательным. На Западе это противостояние в последние годы тоже ухудшается, так как корпорации начинают господствовать и вытеснять частника. Пока же на Западе частник все еще существует и обеспечивает некоторое замедленное движение экономики вперед. Однако проблема неэффективности корпораций начинает осознаваться. Неэффективность государственных предприятий уже довольно хорошо осознана, и они скоро будут все распроданы, но пока только корпорациям. Однако уже появились первые попытки продажи корпораций частникам (пока лишь “акулами Уоллстрита”, обеспокоенными падением своих доходов от корпораций, которые они контролируют).

Глядя на Запад и не замечая его проблем, правители и многие начальники СССР в силу их эгоизма не могут допустить господства частного собственника-предпринимателя. Они тогда потеряют власть над людьми. Потеряют способность управлять экономикой и регулировать ее. К тому же многие их них, включая и население, по недостатку знаний необоснованно воображают, что без их регулировки государство пропадет. Такие их эгоистические действия могут отрезать нашу страну (на время, конечно) от более эффективного общего будущего, к которому и Запад будет вынужден идти, чтобы тоже не попасть в катастрофу (и по той же причине бессилия долга и государственного “регулирования”).

Любопытно, что противопоставление частника и трудящегося есть законная (и по марксизму) диалектическая борьба противоположностей, которая только и может вести к развитию и к разрешению противоречия в синтезе — в добровольном и взаимовыгодном сотрудничестве частных предпринимателей и трудящихся. Точно такая же диалектическая борьба противоположностей производителя-продавца и покупателя требует полной свободы жестоко конкурентной торговли и ведет к разрешению противоречия в синтезе самоуправления экономики и общего процветания. Социализм представляет собой безуспешную попытку ликвидировать движущую силу, по

крайней мере, этих двух очень важных диалектических противоречий, передав их функции слабосильному долгу и далеко не выдающемуся разуму государства. "Групповой эгоизм" есть выражение основной проблемы социализма (и до известной степени и капитализма), заключающейся в отсутствии достаточно мощного эгоизма, противопостав-

ленного самоубийственному, но естественному, нормальному и законному эгоизму трудящихся. Служебный долг даже самых честных и энергичных правителей оказывается слишком слабым, чтобы противостоять "групповому эгоизму" миллионов и миллионов вполне честных и вполне нормальных трудящихся.

Печатается в порядке дискуссии

А. РОДИН

К ЧЕМУ ВЕДУТ СТРАНУ ТЕ, КТО ХОЧЕТ ПЕРЕЙТИ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ В РАМКАХ СУЩЕСТВУЮЩЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Выступление на сессии Ленсовета 4 октября 1990 г.

Сегодня в парламентах различных уровней широко обсуждается вопрос о том, что надо сделать в стране для того, чтобы людям стало жить лучше. Основная масса "конструктивно" сотрудничающих с властями "мыслителей" заявляет, что главное — это экономика, она якобы фундамент общества. Вот перейдем к рыночной экономике, и тогда, мол, все постепенно наладится.

На самом деле в фундаменте любого общества лежит не экономика, экономика никогда не является первичной. В фундаменте любого общества прежде всего лежит уровень общественного сознания, культура людей, массовая психология. Следующий пласт — это структура общественных отношений, структура власти и только потом экономика. Конечно, вопрос о том, что первично, а что вторично, в принципе, не совсем корректен, так как все это взаимосвязано в единый комплекс под названием общественно-политический строй.

Вот его-то, строй целиком, и надо менять, а не только экономику.

О каком переходе к рыночной экономике и свободной экономической зоне в Ленинграде может идти речь, когда в стране юридически нет Конституции, а то, что ею называется, — это смесь беззакония, лжи и демагогии.

В стране нет нормальных человеческих законов, а то, что написано в виде так называемых советских законов, — это набор документов, самым резким образом противоречащих друг другу. В стране не выполняется ни одна статья Декларации прав человека. Попираются все нормы международного права, ограничены свободы слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Средства массовой информации практически недоступны для тех, кто находится в оппозиции к властям. Советский суд и прокуратура — это органы произвола. В государственных органах доминируют некомпетентные и коррумпированные чиновники. Правительство и Президент не несут ответст-

венности за результаты своих деяний. В стране правит коммунистическо-КГБешная мафия, процветает и разрастается чудовищный аппарат КГБ — аппарат профессиональных преступников, появляются новые карательные органы для подавления демократии, которых не было даже при Сталине, — это СПЕЦНАЗ и ОМОН. Но оказывается, не эти органы надо немедленно распускать, а на рынок надо переходить, и КГБ пусть на этом рынке возьмет под контроль все ключевые позиции вместе с бывшей номенклатурой, а СПЕЦНАЗ займется racketом более серьезно, по сравнению с сегодняшним днем.

В советской стране нет гражданского общества, как практически нет и граждан. Есть рабы и холуи, готовые выполнять любую команду своего незаконного государства, которое они хотя и не любят, но в силу своего рабского и трусливого духа страшно боятся, и как только коммунистическое государство взмахивает плеткой, так советский человек еще ниже подгибает свои коленки и ползет на брюхе, вместо того, чтобы встать, восстать и свергнуть это государство со своей шеи, как это сделали сейчас в Венгрии, Чехословакии, ГДР и Румынии. А откормленные холуи-экономисты, имеющие ученые степени академиков, докторов и кандидатов наук, придумывают, как бы этому государству перейти к рынку.

В стране дикая система образования и воспитания, уничтожающая в человеке личность, душу, совесть, честь, способность логически мыслить, все человеческое. С детства людям принудительно вбивают в головы нелепую и человеконенавистническую марксистско-ленинскую отраву. В стране на всех площадях стоят памятники бандитам и людоедам — Лениным и ему подобным. Но не это, оказывается, самое страшное. Рубль у нас, оказывается, не конвертируемый.

В стране нет никаких институтов, гарантирующих свободу, зато есть огромное государство, основанное на подавлении свободы.

Так что важнее — свобода или колбаса? Нормальный строй, законная власть или рынок?

Там, где есть свобода, автоматически появляется и рыночная экономика, и колбаса. А вот там, где есть рынок и колбаса, совсем не обязательно есть свобода. В фашистской Германии* народ был накормлен, и там была колбаса, но там не было свободы. Так вот те, кто сегодня, сотрудничая с преступной властью, ведут страну в сторону рыночной экономики в рамках существующего строя, реализуют тот план, который КГБ задумал еще при Андропове. Это план перехода от марксистского тоталитаризма к императорскому тоталитаризму, близкому к фашистскому, где есть некоторые свободы в области экономики, но не более того. Кстати, ситуация у нас в стране гораздо хуже, чем в Германии до прихода Гитлера, и советский фашизм будет много страшнее.

Так что те, кто сегодня планирует новый

нэп, ведет дело к сохранению и усилению этого режима, к усилению этой преступной власти.

Сегодня идеологи нового нэпа являются соучастниками нынешних и будущих преступлений, которые новый советский фашизм, гораздо более сильный и страшный, чем при Гитлере, совершит в мире, если на пути его становления не встанут те, кто отказывается сотрудничать с правящей мафией, те, кто не собирается усиливать этот режим с помощью лучше работающей экономики, те, кто хочет изменить не часть строя, а весь строй целиком, в комплексе, те, для кого свобода дороже всех привилегий, которые существующая власть кидает тем, кто с ней "конструктивно" сотрудничает.

(Выступление народного депутата А. Родина было прервано после слов: "В фашистской Германии народ был накормлен, и там была колбаса, но там не было свободы...")

* В Германии не было фашизма, а был национал-социализм, он отличался от итальянского фашизма наличием расизма. Советская пропаганда не хотела употреблять слово "социализм" в связи с Гитлером, но нам следует вернуться к правильной терминологии. *(Прим. ред.)*

В Неаполе, в Istituto Suor Orsola Benincasa, под руководством его директора проф. Антонио Виллани состоялся 6—8 ноября конгресс по Ленину. Руководил конгрессом проф. Витторио Страда из Венеции. На конгрессе выступал ряд докладчиков из Москвы. Все они очень отрицательно оценивали Ленина. Среди некоторых итальянских докладчиков наблюдались еще симпатии к Ленину. Среди западноевропейских участников не было симпатий к Ленину, но оставались еще некоторые симпатии к социализму, которых у русских уже не было.

Доклады на конгрессе сделали: В. Страда, Л. Коллетти, Р. Валле, Л. Пеликани и Д. Сетембрини из Италии; И. Виноградов, Пиамма Гайденко, Ю. Давыдов, В. Аксютин, В. Киселев, Р. Гальцева и Ю. Карякин из Москвы; В. Пирожкова и М. Рейман из Германии; М. Геллер и А. Безансон из Франции; И. Гельцер из Израиля, Р. Сервис из Великобритании. М. Джиллас и Д. Штурман не могли прибыть на конгресс по болезни. Доклад Д. Штурман прочитала В. Пирожкова.

В этом и в следующих номерах мы печатаем ряд любезно предоставленных нам докладов, которые в Неаполе будут опубликованы на итальянском языке. Редакция

В. ПИРОЖКОВА

ЛЕНИН И БОГДАНОВ

Некоторые аспекты философии

(Доклад, прочитанный на международном конгрессе о Ленине, состоявшемся 6—8 ноября 1990 года в Неаполе в Istituto Suor Orsola Benincasa)

В XIX веке в связи с успехами естественных наук возникли эйфория и уверенность, что человек может открыть все тайны природы. Одновременно с этим стал модным философский материализм. Проникновение в структуру материи, достигшее известной границы, но отстоявшее еще очень далеко от современного познания, вызвало впечатление, что все явления мира могут быть составлены из тех малых частиц материи, которые в то время постепенно открывались естествознанию.

Стремление объяснить весь мир, исходя из одной первопричины, никогда не покидало мыслящее человечество. В XIX веке оно все в более сильной степени делало материю этой первопричиной. Следует добавить, что в XIX веке под материей все еще понималось вещество. Естествознание, не проникшее глуб-

же атома, исходило из вещественного состояния мира, а модные философские течения прошлого века стремились иногда довольно примитивно вывести дух, или как тогда стало принято говорить, сознание из материи-вещества.

В начале нашего столетия эта простая картина мира начала усложняться. Были открыты кванты, представление о материи-веществе заколебалось. Выяснилось, что материя может переходить полностью в энергию, а энергия в материю. Материя как бы "дематериализировалась". На фоне этого начавшегося переосмысливания понятия материи со стороны естествоиспытателей разгорелась и философская полемика. Некоторые более чуткие материалисты заметили, что прежнее восприятие материи как основы всего мира вряд ли

устоит в вихре быстро идущих вперед новых открытий естествознания. Эти сомнения коснулись и русских марксистов.

Ленин, которого политическая борьба интересовала больше, чем философия, счел необходимым написать полемическую философскую книгу против тех веяний, которые проникли и в ряды его партии. Мы имеем в виду "Материализм и эмпириокритицизм", где Ленин бичует как нерусских мыслителей, преимущественно Маха и Авенариуса, так и поддавшихся отчасти их влиянию своих последователей, среди них А. Богданова, к взглядам которого мы присмотримся немного ближе. Отметим, как курьез, что Богданов, выпустивший ряд книг и статей в начале века, сначала не знал, кто настоящий автор вышедшей в 1909 г. под псевдонимом В. Ильин книги "Материализм и эмпириокритицизм". Возмущаясь этой книгой, Богданов грустно отмечает, что такой прекрасный партийный деятель, как Николай Ленин, подвергся в вопросах философии, кажется, влиянию неразумного В. Ильина. Только позже Богданов узнал, что В. Ильин и Николай Ленин — одно и то же лицо.

Но обратимся к основным пунктам их разногласий. Ленин стоит на почве материализма, усматривающего в материи первопричину мира. Как Плеханов, так и Ленин считали свою философию материалистическим монизмом. Ленину представляется достаточным положить в основу всего мира материю. Материя первична, а сознание (это слово, а не слово дух предпочитал сам Ленин, и вслед за ним его долго предпочитали все советские идеологи) возникло на определенной стадии развития материи. Ленин очень настаивает на том, что мир существовал уже долго до появления не только человека, но и любой жизни на земле. Даже если принять во внимание ощущения червяка, который может на самой примитивной ступени воспринять материю, то ведь и червяк появился через много миллиардов лет после того, как уже существовала неорганическая материя.

Для Ленина не составляет затруднения исходить из того, что на какой-то ступени развития неорганической материи появился неизвестно каким образом новый элемент, именно жизнь. А на еще более высокой ступени развития этой же материи появился еще один совсем новый элемент, а именно сознание. Между тем, именно эта посылка и является неразрешимой философской проблемой. Она противоречит сформулированному еще Аристотелем постулату о достаточном основании. Она предполагает, что из низшего без всякого дополнения само по себе возникает высшее, которого перед тем в этом низшем вообще не было. Это, собственно говоря, не что иное, как творение из ничего,

поскольку новые субстанции жизни и сознания появляются из неорганической материи, до того в себе этих субстанций не содержащей. Или, может быть, это совсем не новые субстанции и даже сознание материально? Мы знаем, что позже в связи с этим был спор среди советских марксистов и немецких марксистов из ГДР. Является само сознание материей или же нематериальным продуктом или качеством материи? В 50-е годы победило направление, считавшее сознание нематериальным продуктом материи. Но это утверждение не только не решило вопроса, но, наоборот, его еще больше заострило: каким образом материя может выделить из себя нематериальный продукт? В те годы немецкий марксист Георг Клаус в своей книге "Иезуиты, Бог, материя" отчаянно настаивал на материальности сознания, хотя и не потому, что он видел проблему в возникновении духовного, т.е. нового элемента из материи, а потому, что определением сознания как нематериального продукта или нематериального качества материи нарушался материалистический монизм и вводился тот же дуализм, против которого так воевал Ленин.

Можно, конечно, предположить, что в материи с самого начала заложены элементы духа, но тогда это будет уже совсем другая материя, а не материя Ленина.

Этот дуализм, против которого пытался безуспешно воевать Георг Клаус, был введен, собственно говоря, уже самим Лениным. Ленин настаивал на постулате, что есть только два решения философского вопроса: или первичен дух, как бы его ни называли, будь то Бог или абсолютный дух Гегеля, а материя создана им и, стало быть, вторична, или же материя первична, а сознание возникает на определенной ступени развития материи. Но что бы ни было апострафировано как первичное и как вторичное, сам факт различия этих двух субстанций является уже дуализмом. Можно возразить, что, например, философия Гегеля все же монизм, поскольку у него абсолютный дух распадается сам собой, а не создает из себя чего-то нового. Затем он в человеческом сознании познает самого себя и в синтезе воссоединяется сам с собой. Да простит мне слушатель эту упрощенную схему, но Гегеля и его философию мы затрагиваем здесь только с краю и не можем посвятить ей достаточно внимания. Отметим, что Плеханов предпочитал монизм Гегеля "эклетическим", как он выражался, философиям. Для него монизм был чуть ли не важнее материализма. Уже после смерти Плеханова А. Деборин в 20-х годах в своих статьях в журнале "Под красным знаменем" строил аналогичную гегелевской схему для материи: он писал о материи, которая сама себя познает. Материя как бы распадается

сама с собой, создавая сознание, и потом сама себя познает в человеческом сознании. Эта схема Деборина была запрещена, он долгое время был принужден молчать. А когда уже после смерти Сталина в 60-х годах вышел сборник его старых статей, он перед тем вынужден был сам вычистить из них понятие самопознающей материи. Такая материя, имманентно содержащая в себе сознание и познающая сама себя, выглядела уже слишком "нематериально".

Мы отклонились в более поздние дискуссии. Однако уже в начале века некоторые материалисты заметили эти проблемы. Мы думаем, что они действительно хотели спасти материализм, хотя Ленин и издевается над таким предположением. Другой вопрос, удалось ли им это.

Но посмотрим, как Богданов пытается выйти из положения. В своей книге "Страна идолов и философия марксизма" Богданов смеется над понятием материи, провозглашенной первопричиной. Стоит только назвать материю первопричиной, и будет покончено с идолами, так думают Плеханов и Ленин. Богданов же считает, что такая материя сама становится идолом. Она наполняет собою пространство трансцендентного. Такой материализм, по мнению Богданова, — это только игра пустыми словами и является тем же самым поклонением идолу. Уже слово "первопричина" носит творческий характер, говорит Богданов, больше того, это слово носит характер свободного творчества. А как раз свободное творчество и характеризует религиозный абсолютизм. Материя, как ее понимает Ленин, производит из себя самое весь мир явлений, при этом она не обусловлена ничем иным, кроме себя самой и присущих ей законов. Но свободное творческое действие это как раз и есть творение. Творение совсем не беззаконно, но оно следует собственным законам творящего. Материалисты типа Ленина, говорит Богданов, такие же фетишисты. Их фетиш — это материя, которую они наделяют божественными атрибутами.

Чтобы спасти материализм, Богданов пробует построить картину мира гомогенных элементов. Ни материя, ни сознание, ни дух не являются первопричиной. Материя и сознание существуют нераздельно и переходят одно в другое. То и другое можно назвать первопричиной или, вернее, первопричины вообще нет. В глазах Богданова мир — замкнутый круг, в котором нельзя отыскать начала и конца. Причина постоянно переходит в следствие, а следствие в причину.

Конечно, и марксист ленинского типа не будет возражать против того, что следствие само может стать причиной для нового следствия. Но представления Ленина и его последователей не выходили за рамки линей-

ного представления о времени и протекающей в нем последовательности причины и следствия. То явление, которое было во времени раньше, становится причиной более позднего по времени явления, конечно, в том случае, если между ними может быть установлена причинная связь. Теперь мы знаем, что время относительно, и хотя в повседневной жизни мы исходим из линейного течения времени, философски линейность времени не может быть постулирована. Богданов уже в начале века ставит линейность времени под сомнение. У него мы находим намеки на возможность обратимости во времени причины и следствия.

В картине гомогенных элементов Богданова не имеет смысла спрашивать о том, что такое материя. Материя и дух гомогенны и тем самым одноприродны. Поскольку между ними нет различия, не требуется точного определения, что такое материя и что такое дух или сознание.

Однако в концепте Ленина, в котором материя является первопричиной, выделяющей из себя все явления мира, в том числе и сознание, она требует определения. Если материя определяет все, то как же определить самое материю? Ленин в своей книге "Материализм и эмпириокритицизм" уже полемизирует с теми авторами, которые говорят об исчезновении материи. Он видит необходимость дать определение материи, которое бы не зависело от изменяющейся картины мира естествоиспытателей. Так возникло знаменитое философское определение материи Ленина: "Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями и существует независимо от них". (Материализм и эмпириокритицизм, Москва, 1974, стр. 272).

Многие критики диалектического материализма — отметим одного из них, именно Густава А. Веттера, — указывали на то, что это не онтологическое, а гносеологическое определение. Оно не пытается затронуть субстанции материи, а определяет ее лишь в отношении возможности ее познания со стороны человека. "Материя дана человеку" — невольно хочется спросить: кем дана? — мы ее в своих ощущениях копируем и фотографируем, иными словами, познаем. Но наши ощущения, как и наше сознание, — это продукт или качество материи. Не пришли ли мы опять к деборинской материи, познающей себя самое? Кроме того, материя ставится здесь в прямую связь с тем, что она может быть ощущена и познана человеком. В своей книге Ленин потратил много страниц на высмеивание тех мыслителей, которые считали, что связь человека, его

ощущения и его мысли, с тем прошлым, когда человека еще не было, заключается в возможности представления им себе этого прошлого. Но сам Ленин связывает “данную реальность” с возможностью человека понять ее в своих ощущениях. Материя и в ленинском определении выявляется как реальность лишь тем, что она проявляется в ощущениях человека. Реальность, не проявляющаяся в ощущениях человека, реальность, которую человек своими ощущениями не может воспринять, такая реальность может быть вполне духовной. Больше того, такой реальностью безусловно может быть назван Бог. Материальность ленинской реальности заключается именно в том, что человек ее в своих ощущениях копирует, фотографирует и пр. Таким образом, она уже в определении зависит от ощущения человека. Без ощущений человека, без человека, она остается неопределенной и тем самым неуловимой.

Ленин называет естествоиспытателей стихийными материалистами и считает доказанным, что мир существовал миллиарды лет до возникновения человека. А как тогда определялась материя, если не было еще ощущения? Или оно все же было с самого начала в потенции? В материи были заложены с самого начала ощущения и сознание, но тогда мы приходим уже не к ленинской, а к богдановской материи, к снятию принципиального различия между материей и духом, к которому стремился Богданов. Что же касается до естествознания, то оно не может дать философских доказательств и не стремится к этому. У естествознания есть своя методология, основанная в значительной части на аналогии и не претендующая на философское доказательство. Если естествоиспытатели материалисты, то лишь в методологии, а не в философии. Они не могут сделать никаких высказываний ни о возможно совсем ином течении времени в те периоды, когда еще не было человека-наблюдателя — не забудем, что время относительно, — ни, тем более, о возможном потенциальном содержании в материи духа, проявившемся потом в человеке, ни о создании или несоздании мира.

Отметим еще последние слова в определении материи Лениным: она независима от ощущений человека. Но ощущения и сознания человека — это продукт или качество материи. Как можно говорить о независимости материи от ее собственного качества? Если материя независима от ощущений или сознания человека, то и эти последние независимы от материи. Иными словами, Богданов прав: мы снова пришли к дуализму.

Проблемы познания

Обратимся к следующему пункту разногла-

сий между Лениным и Богдановым: Ленин считает мир для человека принципиально познаваемым. Конечно, он еще далеко не познан, но в принципе познаваем. Ленин признает существование абсолютной истины, находящейся вне человека и от него не зависящей. Об относительной истине он говорит постольку, поскольку мир еще не познан. Каждое приближение к абсолютной истине есть истина относительная. Она относительна не в принципе, а только потому, что она еще не полна. Как относительные, так и абсолютные истины объективны, т. е. не зависят от познающего человека. Человек не творит истины, он ее открывает. В естественных науках это для Ленина и его приверженцев непреложно. Но и в науке об обществе человек находит, открывает уже имеющиеся закономерности. Маркс и Энгельс открыли якобы общие закономерности развития человечества, в этом и заключается их величие.

Критерием познанной истины является, как известно, практика, но если для естествоиспытателей многих отраслей науки возможны эксперименты в лаборатории или на экспериментальном поле, то для того, чтобы проверить теории социологов или таких теоретиков, как Маркс и Энгельс, необходимо, очевидно, экспериментировать с историей. Совершенно непонятно, каким образом можно утверждать безошибочность теорий Маркса и Энгельса только на основании их анализа прошлого и настоящего. Это один из анализов, и признание этого анализа правильным или ошибочным — такое же субъективное мнение. Но для Ленина нет сомнения в безошибочности Маркса и Энгельса. Богданов с удивлением отмечает, что Ленин в своей книге много раз цитирует этих авторов, но ни разу не ставит хотя бы одно из этих высказываний под вопрос, не говоря уже о критике. Поэтому Богданов аттестует Ленину “верующее сознание”. Ленин — человек веры, но не веры в Бога, а веры в Маркса и Энгельса.

Богданов отрицает чистое бытие. Собственно говоря, и в ленинской концепции нет места чистому бытию, но Ленин этого не постулирует, за что Богданов упрекает его в непоследовательности. Для Богданова существует только становление, а бытие лишь как краткий, едва уловимый момент между тем, что уже прошло, и тем, что еще не наступило. В этой связи он отрицает и абсолютную истину. Для Богданова неприемлемо представление, что истина находится где-то вне человека и человеческого общества, человек же должен ее найти. Истина для него находится также внутри человеческого общества, как и все другие представления. То, что организует общество в данный момент, то и есть истина. Уже в следующий момент

она может измениться. Истина поэтому относительна. Для Богданова смысл высказывания Маркса, что практика является критерием истины, заключается в том, что всякая истина относительна. Он также не делает разницы между теорией и практикой, как и между материей и духом или причиной и следствием. Теория и практика едины, опыт и его организация не могут быть между собой разделены. По специальности биолог, Богданов видит в обществе организм, который должен приспособляться к окружающей среде. Одной из форм этого приспособления являются "истины", мировоззрения, идеологии. Пока они могут организовывать общество, они истинны, когда они перестают удовлетворять организации общества, они становятся ложными. Так, по мнению Богданова, католичество в Средние века в Западной Европе было истиной, т. к. оно в то время могло организовывать общество. В наше время оно, однако, является уже не истиной. Оно, по мнению Богданова, не может удовлетворительно организовывать общество. В наше время, и по мнению Богданова, истиной является марксизм, по меньшей мере — в его основных чертах. Но и он устареет и перестанет быть истиной. Богданов смеется над представлением, что где-то всегда существовала скрытая абсолютная истина и почему-то именно Маркс и Энгельс ее открыли. Мы уже указывали на то, что в ленинских концепциях нет никакого критерия того, что учение Маркса и Энгельса является объективной истиной. Предположение, что все предыдущие мировоззрения, религиозные или философские, и идеологии были классовыми и только Маркс и Энгельс открыли надклассовую, обязательную для всех людей истину, было бы чрезвычайно странным. Но и по Ленину марксизм — это классовая идеология, идеология пролетариата. Однако, поскольку пролетариат — последний класс, после победы которого наступит бесклассовое общество, эта классовая идеология предвосхищает истинную идеологию всего человечества. Поскольку тезис, что пролетариат является последним классом, а после его победы наступит бесклассовое общество — это утверждение той же самой марксистской идеологии, то "доказательство" несостоятельно. Философски получается порочный круг. Объяснять этого не надо.

Но здесь взгляды ленинской интерпретации марксизма и Богданова сближаются. И Ленин и Богданов — марксисты. По Богданову, всякая идеология — классовая идеология, иначе не может быть. Для своего времени она является истиной, но она никогда не охватывает всего общества. Лишь в будущем может возникнуть идеология, которая объединит все человеческое общество. Мы еще

будем говорить об этом.

По Богданову, истина полностью имманентна обществу. Как мы уже указывали, она только инструмент для организации общества на данной ступени развития: меняется структура общества — меняются и все истины. Вечных истин нет. Марксизм ленинского типа релятивирует не столь истины, как их познание. Познание является классовым, но истина все же где-то объективно существует. Классовое сознание познает ее в той или иной степени приближения, т. е. относительно и иногда совсем ложно. Мы уже говорили, что нет никаких критериев, отчего пролетариат или Маркс и Энгельс лично могут понять эту объективную истину.

Богданов же совершенно последователен в своем релятивизме. Он утверждает, что никаких абстрактных законов вообще не существует. Истина содержится в действиях коллектива как таковых. Богданов идет так далеко, что он включает даже законы природы в коллектив. Законы природы — это не что иное, как инструмент коллектива. Законы природы не существуют где-то над коллективом. Напротив, коллектив со своими инструментами (истинами) господствует над мертвой природой. Отсюда и возникают заблуждения, что существуют абстрактные закономерности.

Богданов остается марксистом в том, что коллектив для него в первую очередь — это класс. Коллектив-класс со своими инструментами-истинами сможет преобразовать не только общество, но и природу. Снова, как и у Маркса с его концом истории, мы стоим перед утопическими ожиданиями в духе секуляризованных прозрений христианства о новом Небе и новой земле.

Но как раз здесь проявляется слабость такого жестко последовательного монизма, какой проповедует Богданов. Каким образом можно объяснить с материалистических позиций, что человеческий коллектив получает возможность таким образом господствовать над природой, что организация его практики будет не только истиной для самого этого коллектива, но и для природы, определит ее закономерности? В этом аспекте пришлось бы признать, что человек с его духом или хотя бы сознанием является как бы творцом мира, давая природе законы. Так, коллективное сознание, субъективное по своей природе, даже если это не сознание одного человека, а целого коллектива, получает атрибуты творчества. Иными словами снова пролезает в щелку столь ненавистный Богданову дуализм, а с ним и фетишизм. Можно сказать, что коллектив, наделенный способностью свободно творить, сам превращается в фетиш в смысле Богданова.

Если мы вернемся к материализму Ленина, то мы должны будем отметить, что материя

естествоиспытателей все больше дематериализовалась. Неизменными, собственно говоря, остаются только закономерности космоса. Естествоиспытатели в наше время могут написать много формул, по которым материя функционирует, но не могут ничего сказать о субстанции материи или энергии, в которую она целиком может переходить, так что многие физики говорят, что мир состоит не из материи, а из энергии. Закономерности, однако, — это идеальный принцип внутри материи. Так что снова духовный, идеальный момент становится определяющим. Если же остаться при гносеологическом определении материи, данным Лениным, то, как мы видим, материя попадает в зависимость от ощущения человека и тем самым не отходит далеко от тех мыслителей, которых Ленин так жестоко критиковал.

Человек

Вернемся к Богданову. Что же представляет собою человек, общество или коллектив которого может, по Богданову, даже определять законы природы? Богданов не согласился бы с рассуждениями Энгельса в его статье "Очеловечение обезьяны" о том, что вначале была чисто инстинктивная работа, а затем эта еще бессмысленная работа создала мысль. Правда, Энгельс еще думает, что переход обезьяны от растительной пищи к мясной сыграл роль в ее очеловечении, т. к. мясная пища требует для переваривания меньше энергии и освобождает часть энергии для деятельности мозга. Но даже самые верные его последователи предпочитали опускать эти рассуждения и оставались при решающем значении инстинктивной работы для создания мыслящего человека.

Богданов считает, что в первом же акте человека, самом примитивном, была уже мысль. Мы видели, что бытие и сознание у Богданова не разделяются. Вернее, дело и мысль, теория и практика совершенно слиты. Мы уже указывали, что у Богданова следует говорить о становлении, а не о бытии. Совершая работу и одновременно обдумывая ее, человек в ходе опыта творит сам себя. Человек у Богданова — это функция опыта. Разница в опыте определяет разные "истины", т. е. разную организацию практики. Эта разница в опыте создает и разные мнения, идеологии, мировоззрения и борьбу между ними. В ленинском понимании человека тоже заложена идея о создании человека опытом, так как что такое работа как не опыт. Но Богданов последовательно релятивирует и не ожидает от человека, имеющего отличный от него опыт, что этот человек будет думать так же, как и он сам, или хотя бы поймет его. Марксизм ленинского

типа, с одной стороны, тоже не ожидает от человека иного класса, т. е. с другим опытом, что он поймет пролетарскую идеологию или присоединится к ней. Отсюда и практическое искушение ликвидации класса не только в смысле устранения этого слоя общества от власти, но и физического уничтожения людей. Но марксизм ленинского направления насыщен морализирующим пафосом против "эксплоататоров", совершенно непоследовательным, поскольку ни морали, ни морального пафоса в философских основах идеологии не заложено. Мы это еще увидим. Богданов и здесь последовательнее. Поскольку люди имеют различный опыт, они различно думают, различно воспринимают и враждуют между собой из-за этих разногласий. Нужно стремиться к единому опыту и тем самым к собиранию человека. Одну из своих книг Богданов так и озаглавил: "Собирание человека". Богданов тоже думает, что ныне живущие люди — это предчеловеки и что настоящий, собранный человек — это еще человек будущего.

Историческое развитие

В своей интерпретации исторического развития Богданов отходит от классической марксистской схемы. Он делит историю на три периода. Первый период — это авторитарный период. Средние века он относит к этому авторитарному периоду. Тогда господствовала сильная внешняя авторитарная власть. Она и сдерживала общество, которое растерзало бы себя во взаимной вражде, так как в те времена опыт различных групп людей был еще слишком различен.

Второй период — это капиталистическое общество. Оно полуанархично. В нем господствуют конкуренция в экономике и различные взгляды, идеологии и мировоззрения в духовной области. Это плюралистическое общество. Поскольку мнения и взгляды, а также хозяйственные отношения в этом обществе различны, часто противоречивы и находятся в борьбе друг с другом, то оно тоже растерзало бы себя, если бы у него не было какой-то скрепки. Эта скрепка, по мнению Богданова, — авторитарная мораль, находящая свое выражение в категорическом императиве Канта.

Будущее принадлежит синтезу между тезисом (внешне авторитарным обществом) и антитезисом (полуанархическим капиталистическим обществом). Об этом синтетическом обществе будущего мы еще будем говорить. Пока отметим, что Богданов старается подогнать развитие общества под гегелевскую триаду, но это одна из самых слабых теорий Богданова. Как раз средневековое общество не было подчинено единой жесткой авторитар-

ной власти. Оно было разнообразно, одновременно ясно структурировано, и именно в Средние века авторитетом была не сильная власть, а общая вера, Церковь и христианская нравственность. Нет сомнения, что в Средние века, как и во всю историю человечества, были вражда, войны и вообще все те трудности и трагедии, которые вообще сопутствуют истории человечества. Но держалось общество преимущественно как раз авторитетом нравственным, соединенным сознанием принадлежности к определенному сословию с его специфическими правами и обязанностями. И когда во время войны Папа Римский объявлял Божий мир на три дня, воюющие стороны прекращали бой не потому, что у Папы было много дивизий, а потому что он был нравственным авторитетом. И именно тогда, когда вера, нравственный авторитет и сословная структура начали расшатываться, возникли уже в Новое время абсолютные монархии с сильной авторитарной властью.

Что касается до капиталистического общества, то, думаем, трудно утверждать, что оно сдерживается преимущественно нравственным категорическим императивом. В капиталистическом обществе есть свои государственные структуры и сильное позитивное законодательство.

В синтетическом обществе будущего техника будет настолько развита, что каждый член общества сможет выполнять не только одну, но несколько специальностей и часто менять их. Мы знаем, что эти представления не специфичны для одного Богданова. Это общие представления о светлом коммунистическом будущем. Преодоление узкой специализации, возможность для каждого человека заниматься попеременно умственным и физическим трудом входило в представления о целостном человеке будущего. Для Богданова это связано с уравниванием опыта, что приведет к ликвидации разногласий среди людей, а тем самым к общему миру, преодолению вражды и войн.

Богданов считает, что в будущем обществе — обществе однородного опыта — не будет и возникать злых намерений одного члена этого общества по отношению к другому. А если они и возникнут, то лишь в виде временного заблуждения, которое другие члены общества легко уладят. Нечто в этом роде есть и у Ленина в его написанной между двумя революциями 1917 года книге "Государство и революция". Ратуя за роспуск полиции и войска и за установление народной милиции, Ленин считает, что в освобожденном от эксплуатации народе прекратятся и уголовные преступления. А если и найдется хулиган, то его усмирят сами граждане так же, как уже теперь несколько порядочных мужчин отгоняют хулигана, пристающего на улице к

женщине. Эта утопическая идиллия выглядит кошмаром на фоне того, что началось уже через несколько месяцев после выхода этой книги в свет. Редко история дает шанс автору утопии получить диктаторскую власть уже через несколько месяцев после опубликования его размышлений. Но претворилась в жизнь эта утопия именно так, как она и не могла не претвориться.

Как ни странно, но в огромной марксистской литературе, написанной последователями Ленина, нет ясной картины чаемого будущего. Богданов же рисует ожидаемое и желаемое им будущее в своем утопическом романе "Красная звезда", вышедшем в свет в 1908 г. Это высокотехническое общество, где люди владеют каждый хотя бы несколькими специальностями, в высшей степени подвижно. Особые машины (компьютеры?) рассчитывают, в какой области сейчас нехватка рабочих рук, и люди устремляются туда добровольно. Насилия в этом обществе нет, так что если найдется человек, который всю свою жизнь захочет проработать в одной специальности, он может так жить. Но таких будут, по убеждению Богданова, единицы, так что всему обществу они не повредят. Почти общий опыт настолько сравнивает людей, что отдельные чудачки будут редким исключением.

Дети на "красной звезде" (Марсе) воспитываются общественно, но матери могут их посещать (об отцах не говорится ни слова). Уж очень привязанные к своим детям матери могут даже взять работу воспитательниц в детских колониях, чтобы чаще видеть своих детей. Такая возможность представится, очевидно, только небольшому числу матерей, и здесь Богданов снова совершенно произвольно и даже без всякого основания исходит из того, что в его идеальном обществе материнское чувство будет постепенно угасать. В этом однородном обществе не будет выдающихся личностей, по меньшей мере, их имена не будут известны. Все открытия, которые еще будут делаться, станут анонимным достоянием всего общества. Оказывается, и в этом счастливом обществе будут несчастные, — хотя, конечно, тоже единицы, — которые захотят прекратить свою жизнь. В этом случае их сначала будут уговаривать, чтобы они этого не делали, но тому, кто останется при своем решении, покажут, как он наиболее целесообразно может покончить с собой.

Как ни совершенно марсианское общество, но в нем наступает кризис. Причина его в том, что даже совершенный коллектив марсиан, видимо, не был в состоянии определить по своему усмотрению законы природы, как этого ожидал Богданов. Марс перенаселен. Марсианам приходится искать выхода, и они, уже владеющие техникой межпланетных путе-

шествий, посылают своих представителей на Землю, где они тайно приземляются и знакомятся с жизненными условиями на Земле. Здесь еще достаточно места (дело идет о 1908-м годе), а технически столь прогрессивные марсиане считают, конечно, что они легко оросят пустыни. И вот возникает проблема: попросить землян принять на их еще пустые земли марсиан? Или уничтожить всех землян, воспользовавшись своей превосходной техникой, чтобы полностью очистить место для марсиан? Есть сторонники и одного, и другого решения. Однородный опыт оставил, оказывается, все же возможность для радикального разногласия. Но для материалистического взгляда на человека чрезвычайно характерно обоснование, приводимое теми, которые не хотят уничтожать все население Земли. Они говорят, что если бы земляне были только на более низкой ступени развития марсиан, только слабее их, но в основном представляли бы собой тот же самый тип людей, то можно было бы без колебания их уничтожить. Если же земляне разовьются в иной человеческий тип, отличный от марсиан, то следует сохранить их, а не уничтожать. Здесь речь идет о сохранении вида, как в наше время стараются сохранить тот или иной, стоящий под угрозой вымирания, вид животных. Понятие личности у Богданова полностью отсутствует. В материи, в самом деле, не заложено понятие личности. Непонятно только, почему Богданов заботится о сохранении иного вида человеческих особей. Он ведь как раз в нивелировке, в общем опыте, делающих всех людей одинаковыми, видел залог счастливого будущего общества.

Проблемы нравственности

Вернемся опять к материализму, на котором так настаивают как Богданов, так и Ленин. Они спорят друг с другом о том, что такое материализм, и обвиняют взаимно друг друга в искажении чистого материализма, в "протаскивании" дуализма и пр. Но оба остаются при материализме. Это особенно странно у Богданова, ставящего знак равенства между материей и сознанием, отрицающего понятие материи как первопричины. Он, казалось бы, мог отказаться от материализма. Однако он настаивает на том, что он — материалист. Что же удерживает этих людей в рамках мировоззренческого материализма? Нам представляется, что это — проблема нравственности.

Богданов объявляет себя аморалистом, — конечно, только теоретическим. В его будущем совершенном обществе не будет никаких норм морали. Будут только нормы целесообразности. Эти нормы совершенно открыты. Они не подлежат никакому императиву и

носят условный характер. Если человек хочет достигнуть какой-нибудь цели, то он должен использовать соответствующие средства. Для такой-то определенной цели — такие-то определенные средства. Нормы целесообразности — это лишь указания, как действовать целесообразно, каким образом можно легче всего достигнуть поставленной цели. Цель совершенно нейтральна по отношению к этим нормам. Они служат любой цели и подлежат лишь проверке критическим разумом.

Встает вопрос: откуда берутся цели? Кто будет ставить эти цели? Что это будут за цели? Даже Богданов понимает, что если человек поставит себе целью убить другого человека, то нормы целесообразности подскажут ему, как он наиболее целесообразно, просто и скоро сможет совершить это убийство. По оптимистическому убеждению Богданова, люди гармонического общества себе таких целей перед собой ставить не будут. Мы уже видели, что вражда между людьми возникает, по его мнению, из-за различия опыта, а когда опыт будет общим, то не будет ни разногласий, ни вражды. Богданов спешит заверить читателя, что он лишь теоретический аморалист, а не в смысле совершения злых дел. И сразу опять встает вопрос: откуда Богданов берет критерий, что есть зло, а что добро? В нем самом живут, возможно, в подсознании традиции того самого христианства, которое он отвергает. Но воспитанный на его нормах целесообразности человек не будет иметь никакого, даже подсознательного, критерия для различения добра и зла. Все эти теоретические аморалисты хотят освободить человека от "пут" морали, от конкретных указаний на то, что хорошо и что плохо, справедливо, что несправедливо. И в то же самое время они предъявляют человеку самое высшее общее требование, какое только человеку можно предъявить: будь хорош сам по себе, сам из себя, без всякой помощи, без всяких указаний, без всякой поддержки.

Еще Герцен писал, что надо человека оставить свободным, предоставить самому себе, пусть делает, что найдет нужным. И так же, как Богданов, он сразу же заявляет, что эти слова не являются оправданием пороков и дурных дел. Человек должен стоять высоко, говорит Герцен, иначе он не заслуживает названия "человек". А кто и по каким критериям судит, что высоко и что низко? И что делать с теми людьми, которые не стоят высоко? Уже в одной этой фразе заложена вся проблематика уничтожения целых классов или рас, которые якобы стоят недостаточно высоко.

Категории свободы в материалистической идеологии, конечно, не содержится. В материи

свобода не заложена. Энгельс называл свободу познанной необходимостью, что в действительности полностью снимает свободу. Эмпириомонист Богданов и здесь ставит знак равенства: свобода и необходимость — это одно и то же. Далеко от Энгельса он не уходит, но добавляет, что необходимость полностью имманентна обществу. Она не вне общества или над ним как некая объективная реальность, которой общество должно подчиниться. Она лежит внутри общества и тем самым совпадает со свободой. Богданов пишет, что в древних деспотиях наказывали даже за сны. В наше время (т. е. в начале нашего века, до революции 1917 г.) никому в голову не приходит требовать ни свободы снов, ни свободы мысли, то и другое разумеется само собой. В наше время, пишет Богданов, раздается требование свободы слова. Это требование означает одновременно требование известного насилия над теми, которые бы хотели воспрепятствовать этой свободе. И вот ввиду того, что есть еще желающие свободе слова воспрепятствовать, нужно ее требовать. Если же таких людей больше не будет, то отпадет и нужда в требовании свободы слова. Больше того, по мнению Богданова, после введения норм целесообразности самое понятие свободы будет устранено.

Это высказывание звучит весьма двойственно, а после опыта нашей страны оно звучит жутко. Понятие свободы было действительно устранено, но не так, как об этом мечтал утопист Богданов, а так, как оно единственно могло быть устранено в ходе устранения нравственности.

Обратимся снова к Ленину. Ленин не сформулировал понятия "нормы целесообразности", но фактически и он их провозглашал, постулируя классовую мораль. Он, однако, употреблял термин "принцип целесообразности". Вспомним хотя бы его речь на третьем съезде комсомола в 1920 г.: "Всякую такую нравственность, взятую вне человеческого, вне классового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из классовой борьбы пролетариата". (Ленин В. И. т. 41, стр. 298–316). Это совершенно те же "нормы целесообразности": все, что целесообразно для того, чтобы победить в классовой борьбе, то и позволено. Нормы целесообразности Богданова подсказывают, как можно целесообразно достигнуть поставленной цели. Также и "нравственность" Ленина подсказывает, как целесообразнее победить в классовой борьбе. Никаких других ограни-

чений нет. "Интересы пролетариата", конечно, формулируются "авангардом пролетариата", т. е. компартией. "Классовые интересы пролетариата", конечно, не помешали Ленину называть паразитами тех рабочих, которые работали не так, как он хотел, и требовать жесточайших мер не только по отношению к "классовому врагу", но и по отношению к этим "паразитам". Иного результата и не могло получиться при отмене обязательной для каждого человека нравственности.

Но вернемся к заданному нами вопросу: отчего и Ленин, и Богданов, последний даже вопреки своему собственному постулату гомогенных элементов, так держались за материализм? Мы думаем, что здесь заложено сознательное или подсознательное желание избавиться себя от пут нравственности. В материи никаких основ нравственности не заложено. Можно и дух интерпретировать так, что он остается нейтральным по отношению к нравственности. Но все же понятие духа уже не так далеко от понятия Бога, поскольку Бог есть Дух. А они оба, как Ленин, так и Богданов, ненавидели Бога. Ленин приходил в ярость при одном упоминании Бога. Оба, как Ленин, так и Богданов, не были отвлеченными философами. Оба они были политическими борцами и стремились развязать себе руки для этой борьбы. Другие политики, творящие порою жестокости, творят их вопреки тому, что на словах исповедуют, и для них может наступить момент, когда они ощутят для себя границу. Материя же не ставит никаких границ. Не ставит их и основанная на философском материализме "классовая нравственность", по сути дела никакой нравственностью вообще не являющаяся. Не ставят границ и "нормы целесообразности", они покорно служат любым целям. Отметим, что в более позднее время возникла еще одна идеология, не знающая нравственности, — это биологическая расистская идеология национал-социализма. В ней тоже жила ненависть к Богу. Но это лишь отметка с краю.

Вернемся к Ленину и Богданову. У Богданова в теории считается допустимым массовое уничтожение всех землян, если окажется, что они похожи на марсиан и лишь слабее их и пока ниже по развитию. Наследникам Ленина нормы целесообразности подсказали, как можно провести целесообразно массовое уничтожение мешавших их целям людей: например, путем искусственного голода, как это было в России и на Украине в 30-е годы или в Эфиопии несколько лет тому назад.

Философски несостоятельный материалистический монизм, будь то в вариации Ленина, будь то в вариации Богданова, оказывается практически удобным для господства тоталитарной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- В. И. Ленин "Материализм и эмпириокритицизм", Москва, 1974.
 В. И. Ленин "Государство и революция", Петроград, 1917. .
 В. И. Ленин Полное собрание сочинений т. 41.
 А. Богданов "Страна идолов и философия марксизма", Ст.Петербург, 1908 г.
 А. Богданов "Падение великого фетишизма", Ст. Петербург, 1910 г.
 А. Богданов "Вера и знание", Москва, 1910 г.
 А. Богданов "Развитие жизни в природе и обществе" из сборника "Из психологии общества", Ст.Петербург, 1904 г.
 А. Богданов "Собирание человека", Москва, 1905 г.
 А. Богданов "Цель и нормы жизни", Ст.Петербург, 1904 г.
 А. Богданов "Авторитарное мышление", Ст. Петербург, 1904 г.
 А. Богданов "Красная звезда. Утопия", Ст. Петербург, 1908 г.
 Г. В. Плеханов "Избранные философские сочинения" т. II, Москва, 1956 г.
 V. Piroshkow "Freiheit und Notwendigkeit in der Geschichte". München, 1970.
 Gustav A. Wetter "Der dialektische Materialismus", München, 1964.
 Georg Klaus "Jesuiten, Gott, Materie", Berlin, 1956.

Д. ШТУРМАН

В. И. ЛЕНИН: ИДЕОЛОГИЯ — ЭТИКА — ТАКТИКА — СИСТЕМА

Введение

Моя работа над наследием Ленина началась в 40-х годах — со стремления отыскать в его трудах убедительный ответ на мучительный для какой-то части моего поколения вопрос: почему вокруг нас так много лжи, несправедливости и жестокости, если по замыслу все должно быть хорошо?

Это несоответствие мы почувствовали в ранней юности, и поэтому мне трудно понять тех, кто утверждает, что, будучи не моложе нас, они до 1956-го или даже до 1986-го года ничего катастрофического в советской действительности не замечали. Мы не принадлежали, однако, и к числу тех наших ровесников, которые социалистических иллюзий никогда не переживали. Они и теперь не перестают удивляться тому, что мы так долго были в плену у коммунистических догматов. Однако это был плен не у советской реальности, а у так называемых "конечных целей" социалистической доктрины. Полагаю, что для многих этот плен продолжается по сей день.

То, что мне удалось понять в Ленине и в деле его жизни, сосредоточено, в основном, в следующих моих работах:

- 1) "Наш новый мир. Теория. Эксперимент. Результат." (Самиздат, редакции 1968 и 1973 годов; изд. "Лексикон", Иерусалим, 1981; изд. "Экспресс", Иерусалим, 1986).
- 2) "Победа и крушение Ленина" (ж-л "Время и мы" №№ 32—33, 1978, Тель-Авив).
- 3) "Ленин. Детали этико-психологического портрета" (ж-л "Голос Зарубежья" №№ 12—13, 1979, Мюнхен). В немецком переводе — "Kontinent (Ost—West—Forum)", Heft 4/1983.
9. Jahrgang/27. Sachsenheim.

4) "Ленин и Шпенглер как социалисты" (ж-л "Посев" №№ 3—4, 1979, Франкфурт/Майн).

5) "Мертвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина, Троцкого" (изд. "ОРИ", Лондон, 1982).

6) "Солженицын о Ленине в Цюрихе" (ж-л "22 Москва-Иерусалим" №№ 38—39, 1985, Тель-Авив).

7) "Ленин и другие" (ж-л "Стрелец" №№ 5—6—7, 1985, Нью-Йорк—Париж).

8) "В. И. Ленин" (изд. "ИМКА-Пресс", Париж, 1989).

9) "Марксизм: наука или утопия" (изд. "ОРИ", Лондон, 1989).

10) "На исходе чуда" ("Новое Русское Слово", 24—30 апреля 1990, Нью-Йорк).

Ниже представлена часть выводов из этих работ.

Некоторые общие замечания
к современной литературе о Ленине

Мне представляется беспочвенным довольно распространенное утверждение, что ни одна из социалистических идеологий не несет ответственности за возникновение тоталитарных режимов XX века. У европейских социалистических идей более чем двухтысячелетняя история. Есть многие основания полагать, что именно эта идеология и ее различные преломления в элитарном и массовом сознании, а не просто взрывообразная пандемия властолюбия и уголовщины предопределили судьбы примерно двух миллиардов людей, впавших в XX веке в тоталитарные бездны.

Документы не свидетельствуют также и о

том, что Ленин как лидер утратил ценность для высшего слоя партии еще в 1918–1919 годах, хотя и такая точка зрения наличествует в современной литературе о Ленине. Маневр НЭПа (весна 1921 г.) при ОДНОВРЕМЕННОМ беспощаднейшем подавлении матросского, крестьянских и рабочих восстаний спас партию от неминуемого крушения. Часто напоминают, что Троцкий предлагал подобный маневр значительно раньше (Троцкий этим гордился до самой смерти; он, вообще, своей биографией очень гордился). Но Ленин до поры до времени, на редкость точно умел определить момент своей очередной тактической акции. Военное противостояние, условно говоря, белым, их немногочисленным иностранным союзникам и народным антибольшевистским восстаниям требовало до весны 1921 года беспощадного выжимания всех резервов из кормильца-крестьянина. При НЕОДНОВРЕМЕННОСТИ решающей военной победы и экономического послабления отчаявшимся, готовым на все крестьянам маневр не удался бы. Колоссальным напряжением всех сил режима Ленин весной 1921 года удушил опаснейших и ослабил удавку на остальных. Крестьяне задыхались и потянулись к земле. В самый тяжелый и критический момент (засуха и чудовищный голод) большевиков щедро подстраховал Запад: АРА кормила более десяти миллионов человек. Но без введения НЭПа Система тогда не выжила бы. Этот маневр был последней тактической удачей Ленина.

Потом, во-первых, принципиально изменились задачи: из провокативно-разрушительно-завоевательных и запретительных они должны были стать созидательными, причем без ослабления диктатуры партии и при сохранении социалистической перспективы. Во-вторых, изменился и сам Ленин: в январе, феврале, мае, июле, сентябре, декабре 1922 года он практически уже только силится работать, а не работает в полную силу. Вот здесь-то он и перестал быть необходимым первобольшевистской верхушке и не только потому, что все чаще болел, но и потому, что более не располагал выигрышными для режима идеями. Вопреки еще не до конца изжившей себя легенде, в работах, набросках, записках, написанных и продиктованных Лениным в 1922–1923 годах, в том числе и во время последней болезни, нет никаких идей, которые могли бы и обеспечить в дальнейшем “социалистический выбор”, и предотвратить “сталинизацию” партии и режима. Сам термин “сталинизация” условен, ибо “ленинизация” России в ее главных принципах и методах ничем не отличалась от “сталинизации” СССР.

Позволю себе присоединиться к авторам, отвергающим еще один живучий предрассудок. Не существовало и не существует в

истории мировой, в том числе и российской или советской, мысли, в противоположность “неправильному” большевизму, марксизма “правильного”, созидательного, спасительного, который мог бы противопоставить ленинизму (сталинизму, маоизму и т. п.) демократический социализм, к тому же еще и экономически эффективный. Мы, однако, не сможем двигаться дальше, не определив кратчайшим образом, что подразумеваем под термином “социализм”.

Возможность и необходимость определения понятия “социализм”

Социализм как явление мировой мысли и мировой истории порожден скорее всего настойчивым стремлением Homo sapiens радикально, раз навсегда разрешить все свои социальные и нравственные затруднения. “Человек разумный” упорно пытается рационализировать и одновременно гуманизировать свою социальную жизнь прямолинейными расчетно-инженерными методами, которые в технике принесли ему немало (правда, порой двусмысленных) успехов. Но именно эти его затруднения *так не решаются*. Человечество этому поверить *не хочет*. Оно упрямо продолжает искать решения все на тех же путях, пытаться расчислить и построить беспроблемное общество. Оно старается действовать в социальной сфере примерно теми же методами, какими взрывают горы, строят здания, конструируют машины. Однако, как об этом теперь все чаще и обеспокоенней пишут и говорят, человечество и в своем многотысячелетнем “покорении природы” совершило массу ошибок, хорошо если еще не роковых. В социально-гуманитарной сфере метод: “взорвать — расчистить место — рассчитать — построить хорошо, правильно” — оборачивается кровью и ложью *сразу*. Тем не менее люди к этому простому и радикальному методу тяготеют неудержимо. И все ищут, причем, к несчастью, на практике, спасительные возможности в этой заведомо непригодной для социально-гуманитарного творчества методологии и технологии.

На принципиальную критику социализма возражают обычно, что это понятие имеет несколько сот определений, из которых многие противоречат друг другу, и следовательно неизвестно, что именно отвергается. Замечу, однако, что все *книжные* социализмы радикально-реконструктивны по отношению к наличному обществу, т. е. все они тем или иным способом уничтожают или лишают свободы частную собственность, подчиняя ее произвольно толкуемым справедливости и целесообразности. Кроме того, литературных социализмов, в их наиболее обобщенной структурной сути, всего два: эгалитарно-

плоскостной и пирамидально-иерархический. Первый стремится превратить страну (человечество) в сеть горизонтально взаимосвязанных равноправных и внутренне эгалитарных общин. Второй грезит идеально справедливой вертикальной иерархией, твердо, научно, правильно устрояющей и охраняющей разумное благо "общества в целом и каждого его члена в отдельности" (К. Маркс).

Если погрузиться лет эдак на сорок в пучину социалистической словесности, то увидишь, что все ее призрачное многообразие либо сводится к одному из двух вышеупомянутых архетипов, либо как-то пытается их комбинировать.

В государственных масштабах удастся действовать лишь централистско-иерархическую модель социализма, в основе которой лежит следующий парадокс: структура эта носит и по внешней видимости, и по своим исходным и декларируемым установкам рационально-упорядоченный, глобально-плановый характер. Вместе с тем, в ее границах всегда возникает и неотвратимо нарастает хаос. Это не тот самоорганизующийся конкурентно-рыночный псевдохаос, о котором его могильщик Маркс сказал, в очередной раз отвлекшись от своих инвектив капитализму, что "совокупность этого беспорядка есть порядок", что *post festum* в нем заявляет о себе разум. Социалистический хаос — это неплодотворный, неразумный беспорядок разрушения и вырождения. Он предопределяется прежде всего тем, что никакой Центр ни в какие реальные промежутки времени не может извлечь, исследовать, использовать в оптимальном плане, превратить в команды и в непрерывные корректирующие установки ту бесконечную и постоянно изменяющуюся информацию, которая заключена в подчиненном этому Центру обществе, в компонентах, связях и в среде обитания любого общества. План Центра не может не быть слепым, произвольным и бессмысленным, но тем не менее Центр не перестает рекомендовать его научным. У Центра нет также никакой возможности учесть как субъективные (т. е., по их разумению, истинные), так и "объективные" (с чьей и какой точки зрения?) интересы и критерии миллионов его подданных. Тем не менее свой план он им навязывает. Значит, их несвобода предопределена, и, следовательно, предопределено их пассивное и активное сопротивление, которое Центр должен преодолевать и подавлять. Плохой экономический порядок, навязанные человеку и обществу извне или "сверху" условия игры не могут не быть насильственными. Тоталитарный режим (абсолютная идеологическая, экономическая и политическая монополия Центра) в принципе может иметь не только социалистическую этиологию. Но предельно реализован-

ный в государственных масштабах социализм не может не быть тоталитарным. Иначе он немедленно начинает преобразовываться в нечто себе не тождественное. Во что — зависит от множества конкретно-исторических обстоятельств.

Итак, с одной стороны, в наличии актуальность для массы людей, кажущаяся простота и рациональность, априорная — вроде бы — справедливость идей и обещаний социализма. Все это вместе прельщает и массу, и гуманистическую элиту. С другой стороны, налицо утопизм центральных посылок доктрины. Эта неодолимая соблазнительность и этот неустранимый утопизм одновременно и стимулируют, и исключают реализацию социалистической программы. Процесс неизбежно сводится к некоей КВАЗИРЕАЛИЗАЦИИ. Неосуществимые (ГЛАВНЫЕ) постулаты утопии не реализуются по определению, в принципе. Реализуется только осуществимая часть учения, т. е. все то, что в исходной доктрине рассматривалось как средство, как нечто второстепенное и временное, как издержки процесса, как переходный период. Однако состояние мнимого перехода с его чудовищными средствами достижения недостижимого становится постоянным способом существования социалистической государственной системы.

Откуда и к чему пришел Ленин

Очень часто и весьма убедительно аргументируется мысль, что идеология и тактика Ленина не являются последовательно марксистскими, что они вообще не марксистские, что убеждения и установки Ленина сложились до его знакомства с работами Маркса и Энгельса.

Да, конечно, у Ленина сколько угодно мотивов, характерных для российского домарксистского радикализма. Ленин сам не раз говорил о том, что его, прежде чем он познакомился с работами Маркса и Энгельса, "глубоко перепыхал" Чернышевский. Легко найти у него параллели с Ткачевым и пр. и пр. Но отнюдь не сложнее отыскать сходство между ранним Энгельсом и Чернышевским, восходящее к общим первоисточникам, например, к Фурье. И не только к нему. Вспомните ленинские "Три источника и три составные части марксизма": он социал-утопических корней марксизма и не отрицал, он лишь утверждал, что Марксов диалектический и исторический материализм, его учение о диктатуре пролетариата и об уничтожении классов избавили домарксистский социализм от его утопического характера и сообщили ему всепобеждающую научность. То же говорили и Маркс¹ и Энгельс². Очень четко можно продемонстрировать концептуальную

общность между Лениным и Шпенглером³. При альтернативной мотивации нацистского и коммунистического экспансионизма, у Ленина и Гитлера тоже легко обнаружить родственные социальные идеи. Сверьте социально-экономические программы РКП(б) и НСДАП⁴, и мое утверждение перестанет казаться эпатирующим. Но ведь у Маркса и Энгельса тоже можно найти выраженные не менее агрессивно, чем у Шпенглера, пангерманские мотивы в их апологии европейского революционного экспансионизма⁵. Не сомневаюсь, что возможны и другие шокирующие параллели и тождества.

Все эти (порой, казалось бы, парадоксальные) сходжения и совпадения между весьма, на первый взгляд, далекими друг от друга идеологами обусловлены, с одной стороны, общими корнями широко разветвившегося генеалогического древа социализма. С другой стороны, налицо структурная, тактическая и морально-этическая общность очень многих, далеко не только социалистических, замкнутых и сугубо целенаправленных объединений, заведомо стремящихся к радикальному подчинению себе более широкой, чем они сами, среды. И спектр такого рода идеологий и организаций в прошлом и в настоящем весьма широк (от уголовных банд и мафий до рыцарских орденов, религиозных сект и политических партий).

Часто встречается следующее противопоставление: практика нацизма последовательно вырастает из его людоедской человеконенавистнической доктрины, практика же коммунизма из его гуманистической теории не растет, а возникла из мглы и глубин человеческой подлости или из национальной ментальности, надо думать, худшей, чем у других народов. Это великое заблуждение. Темные личностные начала проявляют себя в любом преступлении. Но марксистско-ленинская идеология постулирует насилие уже в своей теоретической программе, к чему мы еще вернемся. Приоритет злых и темных начал человека и коллектива растет из утопического характера так называемых "конечных целей" коммунистических режимов, точнее — из нежелания их правящих сил признать этот давно уже самоочевидный утопизм. А не желают они его признавать потому, что ни в какой нормальной социальной системе их функции, а значит и они сами с их аппаратами и прихлебателями никому не нужны. Слово "нормальный" я употребляю как синоним слов "естественный", "эволюционно возникший и развивающийся". Их же в процессе завоевания власти, ее укрепления и самозащиты распложится невероятно много. Возникают все новые социальные контингенты, связанные с этой и только с этой системой. Так что и здесь —

"вначале было Слово". И это Слово было не Бог, а соблазн, ошибка, ложь.

Согласимся, что Ленин до марксизма "переболел" другими социалистическими идеологиями. Но отнюдь не поэтому марксизм осуществился в России и в любой другой своей государственной реализации в форме квазимарксизма. Действительно, Ленин не воплотил в жизнь ни "диктатуры пролетариата", ни "отмирания государственности", ни "высшей формы народовластия", ни безденежного "прямого обмена", хотя функцию денег он изуродовал. Он не добился ни обобществления средств производства, подменив его их огосударствлением, ни эффективности "плановой" экономики. Но разве осуществили их какие-нибудь марксисты — в другой стране и притом за более долгий период? И разве осуществил Ленин "четвертый сон Веры Павловны" (Н. Чернышевский, "Что делать?") или построил домарксистские фаланстеры Фурье? Только в виде концлагерных барачков. Из всех общесоциалистических и собственно марксистских рекомендаций ему и его преемникам удалась только акция отменяюще-разрушительно-запретительные: например, уничтожение частной собственности, свободного рынка и гражданских свобод.

Повторим: утопия не может осуществиться иначе, как решительно исказив свой литературный вариант, ибо созидательные цели утопии неосуществимы. Пытаясь воплотить в жизнь свои созидательные, а не только разрушительно-узурпаторские ("переходные") замыслы, псевдомарксистами оказались бы и Маркс, и Энгельс. Когда же социалист-радикал упрямо насилует утопию попытками ее воплощения в жизнь, возникает роковой феномен: зайти в таком квазиосуществлении утопии достаточно далеко, подчинив ему целое государство, можно только при очень высоком потенциале недомыслия, жестокости и безнравственности.

Тоталитарная утопия, как любая иллюзия, может иметь сочинителей и теоретических сторонников — идеалистов, романтиков и гуманистов, но лишь ДО ТОГО, как они всерьез берутся воплощать в жизнь несбыточное. Тех средств и приемов, коими только и можно пытаться реализовать это "мокрое дело" (так в российско-советском аргументе называют убийство), люди совестливые, жалостливые, самостоятельно мыслящие, бескорыстные не выдерживают. Или, по ошибке в него включась, они вскоре утрачивают иллюзии, и тогда финал бывает различен: из тоталитарных партий не на всех этапах можно выйти хотя бы живым, не говоря уже об оппозиции к ним. Я не имею в виду массы, по сути своей, аполитичных людей, не связанных ни с какими теориями, живущих трудно и мечтающих о житейском преуспевании, о достатке, об уравнительной справедливости.

Им импонирует лозунговый коллаж в категориях скатерти-самобранки, лампы Аладина, обезьяньей лапки, доброго волшебника, молочных рек и кисельных берегов. Их увлекают конкретные обещания в конкретных обстоятельствах, "грабь награбленное!", "окончательное решение" всех вопросов, отчетливо указанный виновник их бед и т. д. Ленин марта—октября 1917 года был уникальным мастером таких обещаний и призывов. При наличии тех практически не ограниченных денежных средств, которыми располагали тогда большевики, успех этой демагогии теряет всякую загадочность. Почему демагогии? Легко доказать текстуально: Ленин 1917 года четко знал, что властвовать в случае победы большевиков будет верхушка партии, а не народ; что землю он отдаст не крестьянам, а коллективным хозяйствам советов (это не удалось тогда не по его вине); что впереди не мир, а гражданская война. Впрочем, тогда он мечтал не только о гражданской, но и о мировой революционной войне. Обещал же — землю, мир, народовластие и скорый прочный достаток⁶.

В утопии Маркса несбыточными оказываются уже те социально-экономические предпосылки, которые Маркс и Энгельс объявили объективными условиями пролетарской социалистической революции. Некий обобщенный марксист, исторический материалист, теоретически последовательный и честный, никогда к социалистической революции не приступил бы. Сначала он ждал бы предсказанных учением "объективных условий" и их не дождался бы, не обнаружил бы даже тенденции, ведущей к ним. Мыслил честно, Маркс и особенно Энгельс тоже успели бы увидеть и констатировать отсутствие такой тенденции, т. е. свою ошибку. Вместо этого Энгельс в конце 1880-х годов декларирует те же догматические положения, Маркса и свои, что и в 1840-х годах. Но вернемся к нашему последовательному марксисту. Не дождавшись предсказанных предпосылок, он наверняка всмотрелся бы снова в учение и в реальность и неизбежно пришел бы к ревизии учения, к изучению его критики и альтернативных концепций. Так, собственно говоря, и случилось — с российскими "экономистами" и "легальными марксистами" конца XIX — начала XX века, с большинством меньшевиков, с ненавистными Ленину "ревизионистами" и другими западными социал-демократами ("социал-реформистами", как презрительно именовали их коммунисты). Ту же дорогу проходят советские инакомыслящие разных периодов, пережившие первоначально этапы марксистских иллюзий, марксистской инерции, преодолевшие скованность своего сознания марксистскими догмами и марксистской фразеологией. Ленин же к числу честных

мыслителей-марксистов никогда не принадлежал. Его пресловутая "диалектика" — это насильственная подгонка жизни под ошибки доктрины, неизбежный практический отказ от невыполнимых постулатов теории при упорном сохранении штампов ее языка и, конечно же, при выполнении всего в ней выполнимого. О характере того, что именно в этой утопии выполнимо, мы уже говорили. Ленинское псевдотеоретизирование в сочетании с его мастерской демагогией непосредственно вело ко всем гекатомбам мирового большевизма и к нынешней катастрофе всего и вся в СССР. На мой взгляд, вопрос о том, был ли физически рухнувший в конце 1922 года Ленин добит в 1923—1924 годах Сталиным или не был, не имеет принципиального значения. До весны 1921 года включительно (введение НЭПа) тактика Ленина была победительной. Но эта победительнейшая из тактик была обречена на уже почти столетие открытых и тайных, массовых и единичных убийств и на тотальную ложь, бессмысленные, в конечном счете, даже с партийных позиций: в неизбежном финале этой эпохальной драмы рушащаяся Система похоронит под своими обломками и своих охранителей.

Виктор Суворов, беседуя с Михаилом Геллером ("Русская мысль" от 22 июня 1990 года, стр. 15), говорит: "Ленин сказал очень давно, что на одной планете мы не можем существовать вместе с капитализмом — или одно или другое погибнет. В результате Первой мировой войны они надеялись сделать мировую революцию — и это не получилось. В результате Второй мировой войны хотя бы Европа должна была стать коммунистической. Но и это не получилось. И сейчас советская империя разваливается именно потому, что Сталину удалось только частично захватить восточно-европейские страны, но он не смог захватить Германию и Францию".

Нет, "советская империя" разваливается не потому, что Сталин не захватил Западную Европу. Даже при совершенно немыслимом предположении, что он ее (союзную США, уже стоявшим на пороге создания атомной бомбы) одолел бы, финал марксистско-ленинского эксперимента был бы в масштабах Истории предопределен. Речь шла бы только о сроках крушения и о цене, которую заплатят при этом народы СССР и всего мира. Есть основания предполагать, что вырождение и распад идеократического тоталитарного монстра при столь непомерном расширении его границ (вся Европа!) и при такой вопиющей несовместимости национальных менталитетов (Западная Европа и, к примеру, Тува) шли бы еще быстрее, чем они идут. Подчеркну еще раз: суть моего возражения В. Суворову заключается в том, что при любых вариантах политического

сюжета исход марксистских государственных экспериментов по крупному историческому счету предreshен изначально. В российской научной литературе этот исход был предсказан еще до выхода Ленина из политической игры. В советское время — хотя бы замечательным экономистом Борисом Давидовичем Бруцкусом, чья работа о социалистическом хозяйстве и его принципиальных перспективах⁷ была положена в 1922 году на стол Ленина и вызвала соответствующую реакцию: арест и высылку Бруцкуса в знаменитом элитарно-интеллектуальном “этапе” того же года на Запад.

Система — детище Утопии-Оборотня, даже и в случае своей победы надо всем земным шаром, погибнет, как раковая опухоль, убившая питающий ее организм. Структуры и элементы, осуществляющие и обороняющие социализм, при любых их намерениях способны лишь к самоудовлетворению и расширенному самопроизводству за счет общества и среды его обитания. Идеологическая, нравственная и организационная интоксикация, вносимая ими в общество, ведет к вырождению человека, его хозяйства и Природы. Это не метафора и не аналогия — это сопоставление процессов одного класса. Раковую опухоль можно спасительно для организма иссечь или устранить специфической терапией лишь до определенного срока. Кто знает, упущен ли этот срок или нет огромным конфликтно-хаотическим конгломератом, еще именуемым “СССР” (август 1990)?

Три лика Вождя и Учителя

В одной из своих двух мемуарных книг о Ленине (“Малознакомый Ленин” и “Встречи с Лениным”) Н. Валентинов (Вольский) называет тоталитаризм XX века “в истории непредвиденной формацией”⁸. О нет, очень многие мыслители, причем по-разному, социалистический тоталитаризм предвидели. Платон, Мор, Кампанелла, Верас и другие — апологетически (Мор, правда, не без иронии). Г. Спенсер, среди многих других, — сугубо критически и остерегающе. Достоевский — апокалиптически. И это — лишь прикосновение к списку пророков тоталитаризма XX века, вещавших за и против него. Нетерпимость Маркса, Энгельса, Ленина и их преемников, включая нынешних, ко всякой фундаментальной критике, к разномыслию по принципиальным вопросам внутри и вне собственных партий объясняется теоретической и моральной уязвимостью их позиций, которую они достаточно рано начали ощущать. Уже Маркс и Энгельс нередко подменяли полемику по существу вопроса — бранью. Для Ленина это было типичным приемом, включавшим в себя и клевету на противника,

о чем он невозмутимо заявил в своей оправдательной речи на пятом, Лондонском, съезде РСДРП, в ответ на обвинение в клевете на меньшевиков⁹.

Как справится нынешняя КПСС с “гласностью” или свобода слова и печати — с КПСС, покажет будущее.

Довольно отчетливо проступают эволюция и преемственность общественно-политических и нравственно-психологических типов: а) теоретиков, б) лидеров-квазиосуществителей и в) лидеров-утвердителей социалистической утопии, ее парадоксальных побед-поражений. О лидерских типах эпох вырождения и распада социалистического тоталитаризма мы здесь не говорим.

Между доктринером-утопистом, с одной стороны, и диктатором сложившегося тоталитарного государства (“паханом” парткратической мафии) — с другой — в подходящих для того обстоятельствах возникает некий динамический переходной характер. Как правило это социалист-радикал, иницирующий и возглавляющий грандиозное историко-уголовное действие, — не исключено, что из идеалистических побуждений. Рано или поздно радикал, занявшийся квазиосуществлением утопии, разрешает себе и своим соратникам ПЕРЕСТУПИТЬ: через “обывательскую мораль, через кровь, через насилие против “эксплуататоров”, “социально чуждых”, здравомыслящих, несогласных, “добренских”, “слабых” и т. д. и т. п. Он легко перешагивает через сомнительные теоретические моменты движущей им идеологии, которых большинство идущих за ним и окружающих еще не видит (а его соблазнительные лозунги и обещания оно слышит и жадно впитывает). Он убежден и убеждает других, что “чудо проявленной воли”¹⁰ позволит ему и его партии пренебречь отсутствием предсказанных идеологией “объективных условий” для начала претворения в жизнь ее программы. Похоже, что мы с вами сегодня присутствуем при исходе “чуда проявленной воли”.

Ленин был и коварен, и демагогичен, и властен, и неукротим, и беспощаден — все это проявилось и в его словах, и в его делах. Можно текстологически показать (и уже показано) также и то, что этой своей безоглядностью, своей и своих соратников беспощадностью Ленин находил полное оправдание в том, что в конце концов все будет каким-то образом возмещено великой победой над обстоятельствами, над жизнью, противящейся переделке, над враждебными, неразумными, непонятливыми людьми, то есть построением “последней и окончательной” (Маркс) формы человеческого общежития — коммунизма (в устах марксистов-ленинцев — синоним земного рая). О самом интимном, глубинном целеполагании Ленина, человека в

личных вопросах крайне замкнутого, хотя и чрезвычайно экспрессивного и взрывчатого, никто ничего не может сказать с абсолютной уверенностью. Отсюда и основания для трагического прочтения многими авторами последних страниц его жизни. Кто знает, чего он в последнем и окончательном своем существе желал? Но мне представляется, что руководящее, исходное, наиболее личное его побуждение не было беспримесным голым властолюбием, не было коварством и беспощадностью в силу одной уже только психологической органики личности, ее имманентной страсти к злодейству. Состоялся союз, без которого невозможна выдающаяся (с положительным или отрицательным знаком) роль личности в истории: Ленин нашел идею (задачу) — идея (задача) нашла его. Идея давала пищу и поприще всем его свойствам, дурным и хорошим. Он отдал ей свою тактическую одаренность и свою готовность НА ВСЕ — ради ее, как он, по-видимому, все-таки полагал, конечного осуществления. "Сначала ввязаться в серьезную драку, а там посмотрим", — лихо цитировал Ленин Наполеона¹¹ уже в самом конце своей сознательной жизни, толком, на самом деле, не зная, куда он ведет и на что толкает других¹². Нет у Ленина, в конечном счете, и определения социализма как строя: он колеблется в этом определении, подчиняясь прагматическим интересам своей завоевательной тактики, с размахом от Фурье и Маркса до Шпенглера¹³. Эту по сей день длающую беспринципность и безответственность Ленин ввел в политический обиход своей партии без каких бы то ни было сомнений. Понять, что претворение этой расплывчатой и смутной идеи в жизнь является лишь фикцией претворения, он не мог, не успел или не захотел. Ему не приходилось убивать людей собственными руками, что он вряд ли смог бы осилить (как, впрочем, и вегетарианец Гитлер). Исполнителей же своих, своих ведомых, он также освобождал от "химеры совести", как и нации № 1. Перечитайте хотя бы выступление Ленина на III съезде комсомола в 1920 году¹⁴ или его речь перед чекистами¹⁵. Но ведь мы не знаем, убил ли кого-нибудь своими руками и Сталин. Ленин подписывал расстрельные декреты, письма, телеграммы; Сталин утверждал и корректировал расстрельные списки и приговоры. И ни Ленин, ни кто бы то ни было из его преемников, в том числе и нынешних, в отличие от Родиона Раскольникова, так и не повалился на площади на колени. Общество "Мемориал" роли Сонечки Мармеладовой в их судьбе не сыграло. Ленин и умирал, судорожно ища какого-то выхода из все более очевидного тупика, чтобы, выбравшись из него, следовать в принципе по тому же безвыходному пути.

Тупик представлялся ему следствием каких-то частных просчетов и неудач.

Преемник его для того, чтобы насильственная, искусственная, убийственная Система более чем на две трети века уцелела в своей борьбе с нормальными формами Бытия, должен был оказаться окончательно лишенным всякой целеполагающей двойственности, быть химически чистым насильником и подонком. Даже ничтожная примесь исходных альтруистических побуждений и пусть очень далеких и туманных, но гуманистических целей сделала бы его недееспособным во лжи и насилию того размаха, какого потребовало сохранение созданной Лениным Системы. В таком процессе оказался беспомощным, к примеру, Бухарин, несовершенный во зле. Преемник Ленина должен был быть более маккиавеллистом, чем Маккиавелли, более Лениным, чем Ленин — в наихудшей части ленинского существа и деяний. Зло должно было доставлять ему наслаждение, но сочетаться при этом с дьявольской самосохранительной дальновидностью. Иначе он так же не сохранил бы себя и Систему, вне которой была немыслима его самореализация, как не осилил бы на его месте этих задач, например, Троцкий.

По-видимому, для того, чтобы такая Система могла впервые задействовать себя в столь грандиозных масштабах, нужно уникальное сочетание исторических обстоятельств и личных качеств последовательных лидерских типов. Здесь, как в известном высказывании Карлейля, успех зависит от стечения объективных обстоятельств, личного потенциала лидеров и их везения. При этом каждый из перечисленных факторов является не слагаемым, а сомножителем. Если он равен нулю, превращается в нуль все произведение.

Итак, первый квазиусуществитель такой программы, как разрушение "старого мира", создание "диктатуры пролетариата", уничтожение частной собственности, "уничтожение классов", "построение социализма и коммунизма" и т. п., Ленин, выращивает или раскрепощает в себе самом (в идеалиста-расдикале) насильника-демагога, крупномасштабного "пахана" (Сталина). Не думаю, чтобы Ленину пришлось при этом слишком уж беспощадно себя ломать: ни в его печатном наследии, ни в надежных мемуарах о нем нет и следов такой ломки. Иногда ее сочиняют беллетристы и тенденциозные воспоминатели.

Ленин не только в исторической преемственности, но уже и в своей собственной деятельности становится Сталиным с такой же неотвратимостью, с какой Маркс и Энгельс при всяком своем шаге от теории к политическому действию становились Лениным. Вот несколько примеров этого становления.

1) Устав, обращения и проекты устава Союза коммунистов¹⁶ конца 1840-х — начала 1850-х годов демонстрируют не меньшевистское, а сугубо большевистское, ленинское, понимание и толкование членства в партии и характера самой партии, ее структуры, тактики и целей, живые поныне.

2) Рекомендации всемерно поощрять массовые экстремистские акции и нагнетать террористические разрушительные эмоции в толпах рабочих и люмпенов в ходе буржуазно-демократической революции с целью ее радикализации и всемерной дестабилизации еще не окрепшего режима в текстах Маркса и Энгельса¹⁷ почти дословно предваряют письма, статьи и выступления Ленина февраля—октября 1917 года, даже и стилистически¹⁸.

3) Неистовые статьи Маркса в "Новой Рейнской Газете"¹⁹ содержат такую же апологию террора, как известные письма Ленина Зиновьеву и Курскому²⁰. Свирепые требования террора Ленин не прекратил и при НЭПе²¹.

4) Ленинская апология насилия откровенно опирается на таковую же у Маркса и Энгельса, причем у всех троих в ряде случаев речь идет о насилии не как о неизбежном зле, а как о феномене, очищающем и оздоравливающем личность, партию, класс, общество²². То же и у нацистов.

5) Письма и черновики писем Маркса к Вере Засулич и предисловие Маркса и Энгельса ко второму русскому изданию "Манифеста Коммунистической партии" (1882 г.)²³ демонстрируют тот же, что и у Ленина, историко-политический волюнтаризм, принципиально противоречащий марксистскому же историческому материализму.

6) Одинаково характерны для крещеного еврея Маркса, немца Энгельса и национально мозаичного, русского по культуре Ленина не только неверие в Бога, но и воинственная атеистическая агрессивность: их готовности "переступить" и других принуждать к тому

же не должна противостоять ничья безотносительная религиозная мораль. Некоторые авторы рекомендуют их адептами культа Сатаны. Я не вижу оснований к тому.

Норберт Винер сказал, что функции машины определяют ее строение. Иерархический механизм тоталитарного государства берет на себя функции всех прежде бывших правящих классов истории. Этот совокупный МОНОрабовладелец, МОНОфеодал и МОНОкапиталист ужасен тем, что каждая, сверху донизу, его человеческая ячейка есть не собственник, пекущийся о своем имуществе, а узурпатор, сатрап, наемник. Нет конкуренции за власть или прибыль перед лицом избирателя или потребителя — есть жалкая конкуренция рабов перед надсмотрщиком. Все худшее, что было в других формациях, осталось и доходит до губительного предела. Все лучшее, что есть у соседей, что было в прошлом или грезится в будущем, — такой механизм, не перестав быть самим собой, не устранив себя самое как Систему, задействовать не может.

В процессе квазиреализации социалистической утопии функции социальной машины, осуществляющей и оберегающей парадоксальный процесс системного властвования-разрушения (в конечном счете и саморазрушения), определяют не только строение самой машины, но и личностную структуру ее человеческой субстанции. И чем выше по ступеням всех системных иерархий, тем эта предопределенность безысходней. Не заслуга и не вина носителей такого рода социальных утопий, что общество нельзя подчинить абсолюду навечно. Если не отступить от бесплодного и уничтожительного принципа маломальски вовремя, изъеденная абсурдом структура рухнет, несмотря ни на какие подачки и взятки извне. Но чем обернется для общества и природы неизбежное поражение "Утопии у власти"²⁴ — вот в чем вопрос.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Письмо Маркса И. Ведемейеру (Лондон, 5 марта 1852 г.). К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах. Госполитиздат. М., 1952. Т. II, стр. 433.
2. Ф. Энгельс, Речь на могиле Маркса. Там же, стр. 157—158.
3. О. Шпенглер, "Прусская идея и социализм" (в русском переводе). Изд. С. Эфрон, Берлин. Начало 1920-х гг.
В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 190—192; т. 39, стр. 34, 360; т. 40, стр. 315, т. 41, стр. 298—318.
4. Д. Штурман, "Наш новый мир", изд. 2, 1986, Иерусалим, стр. 335—336.
5. Ф. Энгельс, "Революция и контрреволюция в Германии" — цикл из 19 статей, написанных по просьбе Маркса и опубликованных в 1851—1852 гг. в "Нью-Йорк дейли трибун". К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. в 42-х томах. Изд. 2. Госполитиздат, М., 1955—1974. Т. 8, стр. 52—55.
6. В. И. Ленин, ПСС, т. 31, стр. 1—6, 9—59, 113—118; т. 35, стр. 311—313; т. 36, стр. 357—364; т. 42, стр. 384—385; т. 43, стр. 287—290; т. 44, стр. 180—181; т. 49, стр. 12—15, 39, 43—45, 399—401; т. 50, стр. 54; т. 51, стр. 18; т. 54, стр. 172.
7. Б. Д. Бруцкус, Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе. "Экономист",

- №№ 1—2—3, 1922, Петроград.
- Б. Д. Бруцкус, "Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта". Изд. "Tritemis" G.m.b.H. 1923, Берлин. Переиздано с комментариями В. Сорокина и послесловием Д. Штурман изд-вом "Поиски". 1988, Париж.
8. Н. Валентинов, "Встречи с Лениным". Chaldize Publications. New York. Стр. 173.
 9. "Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы". Госполитиздат. М., 1963, стр. 674—684.
 10. Н. Валентинов, Суть большевизма в изображении Ю. Пятакова. "Новый журнал" № 52, март 1958. Нью-Йорк.
 11. В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 381.
 12. В. И. Ленин, ПСС, т. 33, стр. 97.
Газета "Рабочий" № 6, 11 сентября (29 августа) 1917. Петроград.
 13. В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 192; т. 43, стр. 212—213.
 14. В. И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 298—318.
 15. В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 61, 137—174.
 16. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. в 42-х томах. Изд. 2. Госполитиздат. М., 1955—1974. Т. 4, стр. 524—529; т. 7, стр. 565, 566—567.
 17. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах. Госполитиздат. М., 1948. Т. 1, стр. 84—90.
 18. В. И. Ленин, ПСС, т. 49, стр. 399, 401—403.
 19. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. в 42-х томах. Изд. 2. Госполитиздат. М., 1955—1974. Т. 5, стр. 494, т. 6, стр. 546-549.
 20. В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 190, т. 50, стр. 106.
 21. В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 396—400; т. 54, стр. 144, 160.
 22. В. И. Ленин, ПСС, т. 33, стр. 20, 21, 22.
 23. В. Варшавский цитирует четыре черновика письма Маркса к Вере Засулич и окончательный текст этого письма (март 1881 года). В них четко сформулирована мысль, "что община" (имеется в виду русская сельская община) "может стать отправным пунктом экономической системы, к какой тяготеет современное общество", то есть социализма. Еще убедительнее другая цитата, приведенная В. Варшавским:
"В 1882 году, в предисловии ко второму русскому изданию "Манифеста коммунистической партии" Маркс и Энгельс пишут: "Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что они обе дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность может явиться исходным пунктом коммунистического развития" В. С. Варшавский, Родословная большевизма. Изд. ИМКА-Пресс, Париж. 1982.
 24. М. Геллер и А. Некрич, Утопия у власти. Изд. 1. "ОР". Лондон, 1982 (с тех пор неоднократно переиздана и переведена на несколько языков).

В. ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Университет. Первый курс

Продолжение (см. №№ 49, 50, 51, 52, 55, 56, 57)

39-я Псковская железнодорожная школа, которую я окончила, была пролетарской школой. В ней учились большей частью дети рабочих, мастеров, машинистов, железнодорожных служащих. Я уже упоминала о семьях Зины и Вали, мать же Кати была глухонемая вязальщица, отец, тоже глухонемой, чертежник, давно бросил семью. Знаменательно, что все трое детей, старшие братья и Катя, были вполне нормальными. Но все знали, что учиться будет трудно в вузе. Стипендии были маленькими, родители мало кому из нашего класса могли помогать. Может быть, поэтому Ваня и Володя из нашего класса пошли в военную школу? У нас звание офицера не котировалось высоко, слишком коммунизирована была армия, и от Вани мы никак не ожидали такого выбора. Другие

мальчики выбрали технические вузы, тоже в Ленинграде.

Повторяю, все знали, что будет трудно. Ни у кого в нашем поколении не было ощущения, что советская власть дала им большие возможности. Все отдавали себе отчет, что без революции они при желании тоже могли бы учиться в высших учебных заведениях и, возможно, даже при более легких условиях. Во всяком случае, прирабатывая и чуть ли не подголаживая, они учиться смогли бы. Таким было общее настроение.

Я одна из числа моих подруг могла бы остаться дома и поступить в вуз. Я собиралась изучать математику, а в Пскове был Педвуз с двумя факультетами: физико-математическим и естественным. Но Петербургский

университет был семейной традицией со стороны моего отца. Кроме того, хотя я и готовила себя к мысли, что я стану преподавательницей математики в 10-летке, университет открывал и другие возможности: работу в научных институтах, аспирантуру. Я могла бы в университете специализироваться по астрономии, которая меня тоже влекла. То, что я поступлю в Ленинградский университет, было заранее решенным делом, о Псковском педвузе не вставало и вопроса.

Мое вступление в Ленинградский университет получило характер анекдота. Как я уже упоминала, я послала заявление и аттестат сразу же после окончания школы и, так как я была отличницей, получила открытку с извещением, что я принята. В заявлении я указала, что нуждаюсь в общежитии. Опять-таки как отличнице мне должно было быть резервировано место. Замечу, что мне в августе исполнилось 17 лет, а это был самый младший возраст для приема в университет.

Совершенно спокойно я в конце августа пришла к помдекана, который давал направление в общежитие. И вот этот самый помдекана вдруг заявил мне, что моих документов нет, я вообще не принята, т.к. у них даже неизвестна. Он хотел уверить меня, что я не посылала им ни заявления, ни аттестата. Сначала я опешила, но потом вынула из сумочки открытку с уведомлением о том, что я принята, и протянула ему. Помдекана уставился на эту открытку как баран на новые ворота, почесал в затылке, начал повсюду шарить и вдруг... вытащил мои документы из-за шкафа! Смущение его продолжалось недолго, и он заявил мне, что в университет я, конечно, принята, но что все места в общежитиях распределены и он мне места дать не может. Я возражала, что я-то ведь не виновата в их безалаберщине, почему же я должна страдать из-за этого? Он начал наседать на меня: "Где вы остановились?" По моей врожденной правдивости и моей неопытности я сказала, что остановилась у сестры. Лена, ее муж и сын Коля, на два года моложе меня, жили в одной комнатухе. Я могла остановиться там на несколько дней, но жить долго не могла. Однако помдекана уже не хотел слышать никаких объяснений: у меня есть сестра в Ленинграде! "Вот и живите пока у сестры, а там посмотрим!" Мне потом говорили, что надо было сказать: "Я нигде не остановилась, мои вещи лежат в камере хранения на вокзале". Но ошибка была уже сделана, и ее нельзя было поправить.

Помог брат Леша, поговорив с троюродной сестрой своей второй жены. У этой сестры и ее семьи была, по ленинградским понятиям, большая квартира, действительно, большая

комната и не менее большая кухня для одной их семьи. В кухне они даже отгородили себе спальню, а двое их детей, девочка 14 лет и мальчик 11 лет, помещались в большой комнате. Вот в этой комнате они предложили сдать мне угол, отгородив его одеялами и шкафом. Угол был небольшой, но с окном, с письменным столом у окна и кроватью, а в шкаф, служивший стенкой, можно было повесить одежду. Жить в этом углу было приятно, тихо. С 14-летней Ниной я скоро подружилась, а Сережа был очень тихим мальчиком, худенький, бледный, он казался болезненным и тихо возился в своем углу за шкафом. Второе окно было занято Ниной, перед ним стоял ее письменный стол, а Сережа делал уроки при электрическом свете, хотя осенью и зимой в Ленинграде вообще надо было рано зажигать свет. Сама хозяйка в комнату редко входила. В большой кухне была и довольно хорошо обставленная столовая, там было ее хозяйство, там она и проводила дни. А муж ее возвращался со службы только довольно поздно вечером. Удобно было и то, что жили они на Васильевском острове, на 2-й линии, так что до университета было рукой подать и не надо было пользоваться переполненными троллейбусами или трамваями. Только одно вышло плохо: моя мама, беспокоясь о моем питании, попросила дать мне за дополнительную плату возможность у них столоваться. И как раз этого не следовало делать. Обедали они очень поздно, т.к. считалось, что непременно надо было дожидаться "папочки". Такой поздний обед был вреден, особенно для детей. Был даже случай, что хозяин дома задержался на собрании до 12 часов ночи и все, в том числе и дети, ждали до этого часа обеда. Днем же подавался чай и бутерброды с колбасой, которые мне скоро осточертели. Но мне было неловко это прямо сказать и отказаться от стола.

Первые полгода в университете были нелегкими и вобрали в себя все мое внимание. Программа по математике тогдашнего 10-го класса была небольшая и нетрудная. Наш передовой класс закончил ее к середине года. Михаил Александрович охотно дал бы нам понятие о дифференциальном и интегральном исчислении, но он не имел права преподавать что-либо, чего не стояло в программе, и он не рискнул. Мы жевали и пережевывали зады. И вот после этого фактического ничегонеделанья на нас сразу обрушились ежедневные 4 часа лекций, где все время давался новый материал и ничего не повторялось, и два часа практических занятий. Мы слушали математический анализ, аналитическую геометрию, высшую алгебру и курс физики для математиков. Анализ был центром первых двух курсов. Второкур-

стики говорили нам: "Вы счастливые, у вас читает Фихтенгольц, он все разжевывает, а у нас читал Канторович, мы ничего не понимали!" И мы благодарили свою судьбу. В самом деле, для начинающих и пришедших в университет со школьной скамьи Фихтенгольц был подходящим профессором, он напоминал школьного учителя. Вторым профессором по анализу был его бывший ученик Леонид Канторович, которому тогда было 27 лет, а ординарным профессором он стал в 25 лет. Он был гениальным математиком, но излагать доходчиво для первокурсников не умел. А сначала предполагали давать возможность каждому из профессоров доводить свой курс до конца, анализ читался только на первых двух курсах. Но как раз когда я поступила, это решение было изменено: Фихтенгольцу оставили первый курс, а Канторович должен был всегда читать на втором. И это было правильно. Если школьная манера Фихтенгольца была спасением для начинающих, то уже во второй половине первого курса она нам начала приедаться. А начав на втором курсе, слушая Канторовича, мы ежились при мысли, что нам на втором курсе читал бы анализ снова Фихтенгольц, мы ясно заметили разницу и несравненно большую глубину Канторовича. Ничего трудного в его изложении мы не усматривали, мы уже вжились в математику. Но это было делом будущего.

Нашим любимым преподавателем на первом курсе был доцент (он был "только" доцент) по аналитической геометрии Милинский. Он умел сочетать ясность и понятливость изложения с глубиной. Мы знали, что он находится в немилости и не получает профессуры не из-за недостатка квалификации, а по политическим причинам. Говорили, что он когда-то побывал в Англии и некоторое время сохранял переписку с каким-то английским математиком. Теперь это расценивалось как "криминальные" контакты с заграницей. Высшую алгебру читал проф. Фаддеев, к которому мы относились нейтрально.

Вокруг проф. Фихтенгольца я впервые услышала разговоры, которые касались "еврейского вопроса", если можно так выразиться. В Пскове эта проблема нас никак не задевала. Евреев в городе было мало, и никакой неприязни к тем, которых мы знали, мы не встречали. Ни в семье у нас, ни среди наших знакомых не было антисемитов, и этот вопрос вообще не обсуждался. Здесь же мы, студенты, скоро заметили, что Фихтенгольц пользуется привилегиями, отличными от других профессоров. Так например, только ему подавали машину от университета, хотя он был еще крепким 60-летним человеком с легкой пружинистой походкой. А старику Гюнтеру, слабому, тщедушному, сгорбленно-

му, 74-летнему крупному математику, читавшему на старших курсах, приходилось мучиться в переполненных трамваях и троллейбусах. Слабость Фихтенгольца как ученого мы уже скоро начали ощущать, и злые языки говорили, что ему дали профессуру только потому, что многие его ученики уже были профессорами. И тем не менее откуда-то шло неувимое давление и на студентов, что к этому профессору должно быть особое отношение, его следовало особо почитать и в конце каждого курса преподносить не просто букет, а огромную корзину с цветами. И вот начались разговоры, что его так ублажают только потому, что он — еврей.

Эта версия, однако, не выдерживала критического анализа. Канторович был же тоже еврей, но, несмотря на то, что он в такие молодые годы получил кафедру, его скорее затирали, и те же невидимые течения настраивали не в его пользу. Между прочим, мне никогда не пришлось слышать разговоры, что Канторович так рано стал профессором, потому что он — еврей. Его гениальность чувствовалась слишком ясно. Забегая немного вперед, скажу, что мы отдали дань навязываемой нам с какой-то стороны традиции и поднесли в конце курса Фихтенгольцу эту самую огромную корзину цветов, принятую им как должное с высокомерной покровительностью. Но, видимо, моя судьба была попадать в стропливое общество, т. к. мы сознательно и подчеркнуто сделали то, чего до нас, как мы знали, не делал ни один курс: мы поднесли Милинскому не цветы, а нечто более существенное — прекрасный портфель с гравированной дощечкой и к нему золотую ручку. Стоило это довольно дорого, но на нашем курсе было 250 человек, и мы сумели собрать необходимую сумму. Мы видели, с каким стареньким, потрепанным портфельчиком приходил Милинский на лекции. Кончу рассказ о подношениях: в конце второго курса также стропливо поднесли цветы, хотя и не корзину, а только большой букет, Канторовичу, которому тоже еще студенты ничего не подносили. Он ужасно смутился, покраснел как маленький мальчик, заикаясь поблагодарил и не знал, как ему нести этот букет, потом опустил его и вышел, махая им, как веником. Но мы не обиделись, слишком ясно было, что это произошло не от пренебрежения к нашему подношению, а из большого смущения.

Наш курс был политически, по меньшей мере, не слишком активным. Приблизительно 50% были вне комсомола. В то время как на историческом факультете только 10% было вне комсомола, идеологический факультет. У нас же многие спасались от идеологической лжи, например, одна из моих новых

подруг, Галя, явно увлекавшаяся литературой и весьма мало интересовавшаяся математикой. И она выбрала этот факультет как идеологически нейтральный. Вторая студентка из нашего быстро возникшего триумvirата была, напротив, очень способным математиком и астрономом — она избрала потом эту спецификацию. Уход в идеологически нейтральные науки отвечал ее интересам. Конечно, обе не были комсомолками. Кстати, Галя окончила школу в Мурманске, но ее отцу, способному инженеру, удалось перебраться со всей семьей в Ленинград, так что они все жили в Ленинграде. Мой отец тоже хотел перебраться в Ленинград и взял даже курс анализа в одном техническом вузе в Ленинграде, для чего он раз в неделю на два дня ездил в Ленинград. Но нам не удалось найти квартиры, а ездить было утомительно, и мой отец остался совсем в Пскове.

Он в то время работал над своей диссертацией по высшей алгебре. Как я упоминала, его пригласили доцентом в открывшийся Псковский педвуз без научной степени, он был известен как хороший математик, а из других городов мало кто хотел переезжать в Псков. Кое-кто ездил из Ленинграда, но такие, конечно, не имели полной ставки. Мой отец намеревался защищать диссертацию при Ленинградском университете, причём ему предложили в руководители нашего профессора Тартаковского, который читал на втором курсе теорию чисел, а на третьем — теорию групп, полей и колец. Я его пока не слушала, т. к. на первом курсе он не читал ничего. У моего отца были с ним очень хорошие отношения, они друг друга ценили, и Тартаковский никогда не пытался навязывать моему отцу своих методов, они только время от времени обменивались идеями, а так мой отец работал самостоятельно.

Среди студентов мы вообще очень хорошо чувствовали, кто из нас чем дышит, не нужны были длинные разговоры для того, чтобы мы видели, кто из нас настроен против власти и против идеологии. Так было с Галей и Юлей, так было и с некоторыми другими однокурсниками и однокурсницами. Но вот ко мне подошла девушка, бросавшаяся в глаза своим внешним видом: у нее были черные как смоль волосы, большие темно-карие глаза, смуглый цвет лица и низкий тембр голоса — в общем, внешне полная противоположность мне, светлой блондинке, с серо-голубыми глазами, светлым, даже на юге не загоравшим лицом и высоким тембром голоса. Катя Т., так буду называть ее в противоположность моей школьной подруге, Кате К., заявила: "Я выбрала вас своей подругой". Вначале мы тогда были еще на "вы" друг с другом. Я внутренне поежилась. Опять меня кто-то

выбирал в подруги! У меня был уже на языке резкий ответ, но я воздержалась и только пожала плечами. Чем-то вроде подруг мы все же стали, особенно когда произошло расслоение по более узкой специализации: на чистую математику из моих подруг и приятельниц пошла только Катя Т.

Первый раз я столкнулась с таким трудным, эмоциональным и внутренне мятущимся человеком. Отец Кати Т. был караимом, по ее словам, очень способным инженером, который до революции руководил крупными техническими проектами на Дальнем Востоке. Большевиков он ненавидел и после революции скрыл свое образование и работал где-то техником, чтобы прокормиться, но не помогать большевикам своими знаниями. Женился он с большой разницей лет на девушке, которая по возрасту могла бы быть его дочерью. Мать Кати Т. была полурусская-полуармянка. Ко времени моего знакомства с Катей Т. отца ее уже давно не было на свете. Мать, хотя и интеллигентная, еще молодая женщина, не получила никакой профессии и была работницей на заводе. Не знаю, принял ли отец Кати Т. христианство, но Катя была крещена.

Кружок наших школьных подруг распался. Зина была в Нижнем Новгороде, где она пошла на работу, чтобы помогать матери и невестке, но мечтала все же хоть на следующий год поступить в университет. С Валей мы встречались, но как-то все реже и реже. Зато между Катей Т. и мною дружба все более крепла, несмотря на разные факультеты. Мы сразу же отбросили школьную осторожность и говорили друг с другом совсем откровенно. Катя ненавидела советскую власть не меньше, чем я, и была при этом эмоциональнее, неосторожнее. Даже я посоветовала ей однажды быть осторожнее. Она возразила: "Мой старший брат тоже меня предупреждает, а сам такой неосторожный". С Зиной мы вели интенсивную переписку, часто писали ей письма вместе. Помню, как-то долго не было от нее писем, мы начали беспокоиться и решили написать ей еще одно письмо. Катя пришла ко мне в мой угол на Васильевском острове. Я сидела за столом и писала, а Катя смотрела мне через плечо и подсказывала, что следует еще написать. Вдруг она сказала: "А может быть, и Зину уже арестовали?" Я сразу же перестала писать. Катя поспешно воскликнула: "Я не боюсь!" Тогда я снова начала писать, т. к. про себя решила, что я тоже не боюсь. Безумный гнет, под которым мы жили, приучил нас понимать друг друга без слов. Я же в университете стала менее осторожной. Хотя тогда я даже еще не достигла совершеннолетия, мне казалось, что как студентка я буду отвечать уже только

за себя и если меня арестуют, то именно только меня, а не моих родителей. В школе ответственность за родителей заставляла меня быть сугубо осторожной. Кроме того, я считала, что теперь уже лучше могу различать людей и видеть, с кем я могу быть откровенной, а с кем нет.

Из первого полугодия моих университетских занятий мне запомнился неудачный доклад о коммунистической морали. Как-то раз весь наш первый курс, 250 студентов и студенток, собрали в большом, расположенном амфитеатром химическом зале. В этом зале мы также слушали большую часть лекций. Микрофона у профессоров тогда не было, и им приходилось немало напрягать голос для того, чтобы быть услышанным и в задних рядах. На этот раз для доклада пригласили аспиранта Института марксизма-ленинизма. Он читал на тему о коммунистической морали. С моралью коммунисты никак не могли поладить. В марксистском мировоззрении нет никаких основ для морали. Нравственность только тогда заслуживает этого названия, если она опирается на вечные ценности и ее нормы одинаковы для всех людей, независимо от их классовой принадлежности. Классовая "мораль" — это не мораль, не нравственность в истинном понимании этого слова. Это лишь нормы поведения для достижения наибольшей выгоды для этого класса. По крайней мере, в теории это следовало так понимать. На самом деле, те нормы поведения, которые коммунисты предлагали рабочему классу, даже не вели к достижению наибольшей выгоды для этого самого класса, они разве что вели к достижению наибольшей выгоды для компартии, особенно же ее аппарата. Несмотря на это, марксисты постоянно морализировали. Это делали уже основоположники. Они горели гневом при виде несправедливой эксплуатации, хотя по их же учению буржуазия никак иначе и поступать не могла, а потому ее действия не должны были ни у кого вызывать никаких "благородных эмоций", разве что холодную и беспристрастную решимость свергнуть ее и захватить власть в свои руки. Эта решимость у вождей и была, но они ее прикрывали благородными лозунгами, не имевшими никаких корней в их же учении. Придя же к власти, коммунисты очень скоро заметили, что хотя бы минимум нормальной человеческой нравственности должен существовать, иначе общество развалится, несмотря на жестокую диктатуру и владеющий всеми страх. Но как согласовать эти требования морали с теорией марксизма-ленинизма? За все время своего владычества коммунисты этой проблемы так и не решили.

Но вот наш курс собрали, в президиуме заняли место парторг нашего факультета и

комсорги старших курсов. Комсорга нашего курса в президиуме не было. Нужно отметить, что как парторг, так и наш комсорг были евреи. Относительно других я не помню, кто они были. Мне лично было все равно, коммунист есть коммунист, но потом я узнала, что некоторые из студентов это обстоятельство отмечали. На кафедру вышел молодой аспирант, положил перед собой толстую рукопись и начал монотонно читать какую-то пропаганду. Было невыносимо скучно, и никто его не слушал. Довольно долго мы терпели, но потом терпение лопнуло. У нас было принято на лекциях, если что-либо было непонятно, посылать лектору записки с вопросом, на которые он отвечал после перерыва или на следующей лекции. Теперь же послали записку в президиум и не закрытую, как обычно, а открытую. Случайно она прошла и через мои руки, там стояло: "Сколько заплатили лектору за то, чтобы он читал доклад, и сколько надо ему заплатить за то, чтобы он перестал?" Парторг прочел записку, занервничал и что-то пошептал смущившемуся лектору. Тот перевернул сразу много страниц своей рукописи и с места в карьер стал читать практические примеры коммунистической морали, прежде всего о том, что нельзя судить о человеке по внешности. На одном заводе, мол, была девушка, которая сильно красилась, и ее многие презирали, но, когда на заводе случился пожар, она оказалась героиней. Все смеялись. То, что о внутренних качествах человека нельзя судить по внешности, элементарно, и это можно прочесть в любой этической системе. Но причем тут коммунистическая мораль? Тогда парторг сказал совсем сникшему аспиранту, чтобы он кончил свой доклад и открыл дискуссию.

Однако выступавшие в дискуссии совсем не касались вопросов коммунистической морали. Все выступавшие говорили о смысле жизни и, к ужасу, то красневшего, то бледневшего парторга говорили о том, что смысла жизни нет, жить нечем и, собственно говоря, одна дорога — это кончать с собой, но часто на это не хватает физического мужества. Одна студентка, помню, сказала, что она с головой ушла в общественную работу, чтобы не иметь ни минуты свободного времени и не задумываться над жизнью и ее смыслом. Если не заглушать себя учением и общественной работой, то и впрямь впору кончать с собой. Взволнованный парторг воскликнул: "Как может наша счастливая советская молодежь высказывать такие пессимистические взгляды!" Но счастливой-то эта молодежь и не была. На его восклицание никто не обратил внимания, и дальше шли высказывания в таком же духе. Не знаю, чем кончился бы диспут, но выручил циник

из среды студентов. Он выступил и сказал: "К чему ломать себе голову над смыслом жизни? Смысл жизни в удовольствиях. Вот, например, обо мне все знают, что я влюблен во всех хорошеньких девушек сразу". А затем, мол, "лови момент удачи" и не задумывайся над сложными вопросами. Большинство из нас были тогда идеалистами, и этот открытый цинизм нам не понравился, в зале раздался шум. Этим воспользовался комсорг нашего курса. Он вскочил с места и, не выходя к кафедре, разразился речью о необходимости идеалов, стремления к лучшему и справедливому. Большие глаза этого, нужно отдать должное, красивого парня горели, и он умело не затрагивал специфики идеалов, т. е. не говорил ни о социализме, ни о коммунизме или марксизме-ленинизме, а только об общих стремлениях к добру и справедливости. Все, я в том числе, ему искренне аплодировали. Пусть его идеал — если он убежденный коммунист, — не совпадает с моим, но в том, что нельзя жить цинично лишь удовольствиями дня, в этом большинство из нас были согласны с комсоргом. Парторг воспользовался общим одобрением и закончил на этом апофеозе неудавшийся диспут.

Может быть, стоит рассказать банальное

последствие возбужденного диспута. В начале следующего года, осенью, я как-то мельком заметила, что отсутствует одна из студенток нашей группы, тихая, почти всегда молчавшая, некрасивая белобрысенькая эстонка Кира. Я зарегистрировала в уме ее отсутствие, но много об этом не задумывалась. Однако раз как-то я увидела ее на Дворцовой набережной, она медленно шла впереди меня. Догнав ее, я начала: "Отчего ты не ходишь..." и оборвала фразу на середине, я заметила, что она беременна и на сносях. "А, заметила, — сказала она грустно, — а хочешь знать, кто отец? Помнишь диспут о коммунистической морали и комсорга нашего курса, так горячо выступавшего за идеалы? Вот тогда-то я в него и влюбилась. Он будто тоже полюбил меня, но, когда я забеременела, меня бросил. Я не хотела этого, но в комсомоле узнали, его даже "прорабатывали", и он переехал из Ленинграда и теперь в университете в Казани, предпочел лучше уйти туда, чем жениться на мне. Впрочем, иногда пишет". Невольно я спросила себя, как поступил бы выступавший перед тем циник, если б одна из девушек, в которых он был влюблен, от него забеременела. Может быть, тоже вопреки своим собственным высказываниям?

(Продолжение следует)

Памяти о. Александра Меня

И. ПОСНОВА

ПОГИБ ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ

В воскресенье 9 сентября был убит рано утром по дороге в церковь неподалеку от Загорска протоиерей Александр Мень, настоятель церкви Сретения Господня в Новой Деревне. Он был поистине Добрым Пастырем не только для своих прихожан, но и для всех, кто встречался на его жизненном пути, для тех, кто слушал его проповеди и доклады или читал его книги.

Вот его краткая автобиография: "Протоиерей Александр Мень родился 22 января 1935 г. в Москве. С 1953 г. изучал биологию в институтах Москвы и Сибири. Рукоположен 1 июня 1958 г. С тех пор служит в подмосковных храмах. Параллельно с приходской работой окончил Ленинградскую семинарию и Московскую Духовную Академию. Кандидат богословия. Печататься начал с 1959 г. Публиковал статьи в "Журнале Московской Патриархии" и церковных журналах Болгарии и ГДР. Основные работы вышли в издательстве "Жизнь с Богом" под псевдонимами А. Боголюбов и Э. Светлов. Женат, имеет двух детей". Добавим, что он был еврейского происхождения, мать его крестилась в зрелом возрасте и крестила его. Семена благодати рано запали в душу

набожного мальчика.

Переписка с нашим издательством началась в тяжелые для церкви 60-е годы. В то время пересылка рукописей за границу была связана с большим риском, но таково было его желание — нести благую весть о Христе, что он отправил нам свое юношеское произведение "Сын Человеческий", с риском, но и с надеждой, что эта книга не будет написана в стол. По плану она должна была стать заключительным томом серии "В поисках Пути, Истины, Жизни". Однако автор не был уверен в том, что его проект осуществится, и решил начать с самого главного. Позже он основательно переработал 3-е издание этого труда, который оказался дуновением свежего воздуха для многих тысяч читателей на их пути ко Христу. Успех этой книги был также замечен соответствующими органами, и с автора взяли подписку, что он больше не будет выступать под псевдонимом "Боголюбов". С тех пор писать стал "Э. Светлов", и, несмотря ни на какие препятствия шеститомник вышел в свет. В 80-е годы о. Александр раскрыл свой псевдоним, и его последние книги "Таинство, слово и образ" и "Как читать Библию" носят имя автора.

Все это обошлось не без затруднений. Он мог бы продолжить научную карьеру на Западе, где приобрел уже широкую известность благодаря своим книгам. Однако на все предложения он всегда отвечал без колебаний, что предпочел бы тюрьму в России, ибо его пастырский долг не позволяет ему покидать все разрастающуюся духовную семью, особенно молодежь, которая тоже подвергалась угрозам. Но напряженное положение имело благополучный исход. Начало 80-х годов он провел под покровом св. Сергия, составляя в Лавре монументальный труд "Словарь современных богословов" по заказу Московской Патриархии. Работа уже близилась к концу, когда перестройка открыла ему неожиданные пастырские возможности: он получил разрешение беседовать о Боге в московских школах, институтах, наконец, в Университете Ломоносова, в церквях и залах, где собиралось до 900 слушателей. В 1990 г. он проводил беседы по радио, читал по 22 лекции в месяц, окормлял детскую больницу, выезжал на научные конференции в Германию, посещал Италию, был проездом в Бельгии и ... продолжал писать. Когда ему задавали вопрос: "Как Вы успеваете со всем справиться, он отвечал: "Я отдаю Богу все свое время, и мне по мере сил дается успевать".

Подобный ответ он давал и тем, кто говорил ему о реальности получаемых им угроз недоброжелателей: "Я все предал в руки Божии и не боюсь ничего".

Отец Александр обладал энциклопедическим умом, что позволило ему переработать колоссальный материал при написании своих книг. Он умел находить главное, как в научных трудах, так и при решении жизненных проблем. Как прекрасный педагог, он выражал свои мысли ясно и доступно для слушателей всех возрастов и самого различного интеллектуального уровня. У каждого он умел находить положительные стороны и согревал всех своей сердечностью и жизнелюбием.

Вклад, который он внес за последние 30 лет в религиозную и культурную жизнь нашей страны, действительно огромен. Во многом он был последователем Вл. Соловьева, портрет которого висел у его письменного стола. В предисловии к "Истокам Религии" он писал, что "Соловьев одним из первых обратился к христианскому осмыслению религиозной истории. Он задумал посвятить ей обширное исследование". "Цель этого труда, — говорил Соловьев, — объяснение древних религий, необходимое потому, что без этого невозможно полное понимание всемирной истории вообще, и христианства в частности". По разным причинам план не был осуществлен /.../. В какой-то мере пробел был заполнен...

А в 1927 году в программной статье Н. Бердяева "Наука о религии и христианская апологетика" были намечены дальнейшие пути изучения дохристианских верований в свете православия.

В предлагаемых шести книгах ставилась задача выполнить то, что завещал Вл. Соловьев нашему времени. Но по методу изложения цикл "В поисках Пути, Истины, Жизни" отличается от предыдущих опытов. Главная цель работы — по возможности доступно изобразить драматическую картину духовной истории. Воссоздавая ее в свете целостного христианского мирозерцания, автор исходил из богатого наследия богословской и научной мысли. Поэтому весь цикл можно рассматривать как своего рода попытку религиозно-философского и исторического синтеза.

Из западных историков религии автор более всего обязан идеям Христофера Даусона (Christofer Dawson).

Отец Александр осуществил проект Соловьева, но не в умозрительном плане, а преследуя практическую пастырскую цель — сделать христианство доступным всем своим читателям.

В то время, как для многих его современников религиозная идея представлялась обреченной на жалкое умирание, он утверждал с оптимизмом, что развитие религиозного знания параллельно развитию науки и что религия связана с лучшим, что есть в человеке.

Экуменические взгляды отца Александра определились при нашем первом обмене письмами. Получив его первую рукопись, мы не были уверены, что она предназначалась для нас, и запросили его о его намерениях. При этом сообщили ему, что наше издательство — католическое, совмещающее, по примеру Владимира Соловьева, верность Риму с верностью традициям Восточной Церкви и с братским сотрудничеством с православными. Последовал ответ: "Мы знаем, что Вы — католики, но это нас нисколько не смущает, а наоборот, радует, ибо пришло время освободиться от конфессиональных перегородок, препятствующих исполнению воли Христовой об единстве христиан". В дальнейшем наши отношения всегда носили самый дружеский характер.

Многие его читатели задают теперь вопрос: "Почему такой трагический конец жизни такого нужного человека? Почему Бог его как будто оставил, а зло восторжествовало?" На это мы можем только ответить словами Евангелия: "Ученик не больше учителя". Паскаль писал, что в мире нет ничего более великого, чем Христос, а во Христе нет ничего более великого, чем Его жертва. Эта мысль применима также к жизни о. Александра. Христос был его жизнью, и он не мог

отказаться от проповеди о Нем, несмотря на все угрозы недоброжелателей. И Бог даровал ему мученический венец, т. к. "ценна перед Господом смерть преподобных Его". Самые драгоценные минуты его жизни были, вероятно, последние. После раны, нанесенной топором в голову, он имел еще силы вернуться к своему дому, позвать жену, в то время как кровотечение все усиливалось, и он упал без чувств у калитки. Мы верим, что за это время он вполне сознательно простил своему убийце, отказался от исполнения всех задуманных им во славу Божию и для

блага душ проектов и, как распятый Христос, предал себя в руки Отца.

Похоронили его в день Усекновения главы св. Иоанна Крестителя, также возвещавшего пришествие Христа и погибшего подобной ему смертью, пожертвовав всем тем, что он еще мог бы совершить. Прихожане и духовные чада о. Александра, собравшиеся в большом числе на его похороны, свидетельствовали о том, что его жизнь составляет целую эпоху в деле духовного возрождения России.

Вечная Память этому праведнику и религиозному просветителю наших дней!

ЧЕЛОВЕК ТАКОЙ НЕ УМИРАЕТ, СМЕРТЬ ИМ НЕ ОБЛАДАЕТ

Отец Александр Мень убит, и мы не можем до конца осознать смысл этой потери. Но уже сейчас есть ощущение величайшей трагедии, которая произошла не только с нами — его учениками и духовными чадами, не только с теми, кто слушал его и читал его книги. Это трагедия нашей страны, нашего народа, может быть, такая же по своей страшной метаисторической значимости, как убийство семьи святого великомученика царя Николая Второго.

За день до своей мученической смерти отец Александр сказал одному из учеников: "Времени уже нет".

Мы живем в безвременьи. По слову протопла Аввакума, светлую Россию вымолил у Бога сатана, чтобы омыть ее кровью мучеников. Тьма, разлившаяся снизу, поглотила мою родину. Отца Александра Менья убила империя зла. "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих погубить". Но враг, воцарившийся в России, совершал небывалое в истории дело тотального растления душ. Отец Александр Мень своей молитвой, своим пастырским служением спасал и исцелял души, понимая, что главное поле битвы

— в сердцах человеческих. Как Сергей Радонежский, он десятилетиями направлял будущих бойцов Христова воинства. Он вселял в нас мужество и уверенность в победе. Это он поддерживал и укреплял дух Александра Солженицына и Димитрия Панина — рыцарей России. Он верил в Россию — нашу утраченную, замученную родину, верил, что мы, перейдя Красное море и уйдя от египетской тьмы, обретем вождевленное отечество. Он думал о главном и вступил в единоборство с сатаной. Он срывал личины и маски, открывая, расчищая нам путь туда, в те тайны духа, где живет сокровенный человек. Он остужал страсти и заботился о том, чтобы зло в нас не соединилось со внешним злом. За это его и убили.

Братья, вы куплены дорогой ценой — ценой крови. Несчастен народ, убивающий царей и изгоняющий пророков. Несчастлива страна, потерявшая последнего праведника*.

Владимир ЕРОХИН,
председатель правления
Союза искусств "Латерна Магика"

* Мы надеемся, что есть еще праведники на Русской земле. (Прим. ред.)

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Страна и Мир" №2 (56). Литва сейчас в моде, и о ней охотно говорят даже те, кто про нее ничего не знает. В виде образца приведем передовицу из разбираемого номера: "Окруженное тремя могущественными державами, независимое Литовское государство на разных этапах истории становилось как бы естественной добычей одной из них. Литовские земли захватывали то немецкие рыцари, то польские короли, то российские императоры. Литовский же народ, испытывая сильное влияние трех великих цивилизаций, казалось бы, исчезал, растворяясь то в одной, то в

другой из них".

Что ни слово, то чушь! Исторические литовцы были отнюдь не пассивными и беззащитными жертвами, а совсем наоборот, — отважными и могучими завоевателями. Они захватили всю Белоруссию, большую часть Украины, представляли собою опасных соперников Московского Княжества. Немцам рыцарям они, вместе с поляками, а отчасти и с русскими, так наложили по шапке под Грюнвальдом в 1410 г., что от ордена меченосцев мало что и осталось. Что до польских королей, так это Литва дала

Польше своего короля, Ягайло. А коли уния оказалась для собственно литовцев не во всем удачной, — вопрос уже иной. Влияние немецкой на них культуры было слабым, русской тем более. Единственной, всерьез угрожавшей самобытности литовского племени являлась польская; но и она без успеха. В состав Российской Империи Литва вошла вместе со всей остальной Речью Посполитой, не имея уже тогда национальной самостоятельности.

По поводу той же Литвы, К. Любарский немного преждевременно хоронит Россию, для удобства именуя ее советской империей. Подождите ликовать, господа! Россия еще не развалилась, а будущее никому неведомо.

А. Кибрик предлагает свой план разрешения национального вопроса в СССР, настаивая на переименовании Грузии в Тифлисскую Коммуну, а Азербайджана — в Бакинскую Губернию. Вряд ли кто на это согласится; да кому такое и нужно?!

Статья В. Чаликовой "Сталинизм и макиавеллизм" хотя и окрашена довольно мерзким руссофобством; но выпишем из нее ниже следующий пассаж, с которым мы согласны: "С 30-х гг. мыслящие и сохранившие сердце люди на Западе и у нас гадали: сознательное искажение или самообман лежали в основе одного из самых позорных событий новой истории — массовой поддержки, которую цивилизованные, либеральные, не одно поколение жившие при демократии люди оказали необузданному деспоту и садисту? Очевидно, это был тот автоматический самообман, который происходит, когда готовая, выработанная культурная реакция отталкивает информацию. Ведь общественные деятели Западе не проснулись по-настоящему в 1948 г., когда Д. Далин и Б. Николаевский опубликовали книгу о советских лагерях, снабженную репродукциями документов. Фактически отметились и показания бывших узников ГУЛАГ'а — вплоть до Солженицына. Нельзя без содрогания читать книги и статьи литераторов—туристов и общественных деятелей Западе, посещавших лагерь. "Это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком" — восхищался Пьер Дэкс".

Б. Парамонов, в эссе "Вокруг "русской идеи"", соглашаясь с Н. Бердяевым в том, что религиозные взгляды Л. Толстого были явно окрашены идеями Реформации, отвечает на это, что "остается открытым вопрос, насколько чужд именно русскому сознанию протестантский уклон в христианстве". Думаем, — совершенно чужд; ибо в русском народе испокон живет, как выражается сам Парамонов, мистическая идея Церкви.

И № 3 (57). Перепечатавая характеристику, которую я, в № 57 "Голоса Зарубежья", дал

"Стране и Миру" в целом, редакция зачем-то приспособила к ней странное заглавие "Минздрав предупреждает". Что она хочет сказать? Что я большевик или что журнал, где я выступаю, — большевистский? Так ведь, пожалуй, никто не поверит...

Однако, я очень рад, что мои слова дойдут теперь и до всех читателей их журнала, среди которых, несомненно, есть разные люди, и отнюдь не обязательно безнадежные. Ото слов своих я никак не собираюсь отказываться, и готов их вновь и вновь повторить: разжигание национальной ненависти есть дело черное, преступное, и совершать его могут только либо безумцы, либо злодеи.

И не я один думаю так. Прочитую высказывания Д. Штурман, в статье "О национальных фобиях", в журнале "22" № 69: "О том, на что можно толкнуть в минуту усталости, отчаяния, раздражения любой народ, мы уже говорили. Именно исходя из этого "любой", сегодня бросать в горячую взрывоопасную смесь внутрисоветских национальных эмоций факел руссофобии (а вопреки многочисленным возражениям, суждений, которые можно интерпретировать как руссофобию, произносится и публикуется много) нисколько не менее опасно и ничуть не более нравственно, чем разжигать любую другую национальную ненависть, любой другой предрассудок любого рода".

Мюнхенский журнал несколько преждевременно ликует о гибели большевизма: "Великий Пан умер!" (К. Любарский); "СССР уже не существует" (Ю. Афанасьев). Согласно Любарскому: "Тезис о том, что коммунизм скончался, стал уже общим местом, а некоторые даже утверждают, что он уже предан земле. Рухнула не только преступная политическая система... Прервала существование целая цивилизация".

Г. Белая, в очерке "Искусство эпохи безвременья", применяет ту же концепцию к литературе: "Надо всем господствует ощущение краха еще недавно могущественной советской цивилизации". Однако, ее воззрения нам мало привлекательны: поношения наиболее живой подсоветской литературной струи, — деревенщиков, — и восхваления довольно-таки противной надутой "другой прозы". Насчет же "краха советской цивилизации, сошлемся на М. Хазанову (однофамилицу или родственницу редактора "Страны и Мира"?), которая в № 177 "Нового Журнала", споря с А. Зиновьевым, относительно конца эпохи культа личности, трезво отмечает: "Прошлое не так уж беззащитно: желающих его вернуть предостаточно".

Л. Колаковский (видимо, не без иронии) рассуждает о роли дьявола в судьбах мира. Однако, многое из констатируемого им вы-

глядит вполне серьезно. Особенно когда он цитирует мысли старинных схоластов и богословов (преимущественно — католических).

В. Шаров предпринимает сокрушительный кавалерийский набег на историю России, специально уничтожая православную Церковь и централизованную государственность. Внешний блеск его стиля плохо прикрывает пустоту и необоснованность суждений.

Л. Дымерская приводит небезынтересные весьма скептические отзывы Т. Манна о демократии и неожиданно пронизательные оценки им событий в России: "Большевизм, как бы ни расценивать его и его значение, отнюдь не является ни демократией, ни свободой, ни гуманностью: это диктатура и террор"; "Отнюдь не европейски-прогрессивная идея уничтожила царя Николая. В нем уничтожили Петра Великого, и его падение расчистило перед русским народом путь не на Запад, а в Азию". А вот о демократии: "По моему мнению, притязания демократии на "дух" — дерзость. Ее путь — стремление к успеху в политике, дух, из которого можно извлечь выгоду... Это дух прессы. Демократия симулирует тождество между прессой и духом".

"Время и Мы" № 102. Наиболее тут значительное — статья С. Кольчугина "Русско-еврейские отношения". Автор ее во многом прав. Тем более досадно, что у него масса промахов в деталях (часто, впрочем, второстепенных). Почему Лаос зачислен в "молодые, недавно созданные государства"? Даже к упоминающимся здесь же Судану и Коста Рике подобное определение мало применимо. Это не то, что Замбия или Зимбабве. Далее, если, — как, видимо, автор считает, — национальный герб должен соответствовать естественным условиям страны, то что сказать о "болгарских, британских и чешских львах"? Львы, как факт, в Европе не водятся... Заметим, что и русский двуглавый орел оправдан исторически, как унаследованный от Византии, но отнюдь не с точки зрения флоры или фауны нашей родины; с этих позиций, для нее следовало бы скорее выбрать медведя и березу.

Опять-таки, воюя против "сокрытия еврейских имен под русскими псевдонимами", он доходит до отрицания псевдонимов вообще (что есть грубое посягательство на права и свободу литераторов), а сам мимоходом признается, что пишет именно под псевдонимом!

Приведем высказывания Кольчугина, которые можно рассматривать как стержневые: "В конце 60-х годов возникло, а к середине 80-х сложилось весьма широкое и влиятельное движение русской интеллигенции. Круг этот на Западе именуют "возрожденцами" (в смысле возрождения русской культуры), а

тут полуофициально обзывают "славянофилами", "руссофилами" или даже словами "страшными", отчасти они уже употреблялись выше. Не давая оценку движению и наиболее известным деятелям этого круга, признаем все же, что не они распродавали сырую нефть, лес-кругляк и необработанные алмазы за товар для "Березки", не по их советам отравили Байкал, сносили исторические центры городов, превратили Волгу и Днепр в болота, изгадили пространства Западной Сибири. Не они, а какие-то другие полезли зачем-то в Анголу и Эфиопию, бессмысленно вломились в Афганистан. Те, кто нашептывал советы в ухо бровастому полудурку, все эти Арбатовы, Замятины, Цукановы и прочие Иноземцевы — Агентовы, все они были происхождения отнюдь не вологодского. Но именно с их молчаливого благословения, а то и с прямой подачи обрушивали на головы "руссофилов" свои марксистские громы все-сильные идеологи Чаковский, Озеров, Суровцев и Оскотский (тоже все ведь не вологжане отнюдь). Словом, получилось так, что начавшееся русское возрождение встретило ожесточенный натиск не столько даже от официально-партийных верхов, а именно из кругов советского привилегированного еврейства. Особенно это выявилось в эмиграции, где некоторые озлобленные люди договорились до таких пределов, что и вспоминать неприятно. По их осатанелым выкладкам получалось, что не Мардохей-Маркс с Лафаргом и Либкнехтами, вместе с Троцким, Свердловым и Дзержинским, а сам русский народ и его культура породила колхозы, концлагеря и соцсоревнования".

И дальше: "Издавна в истории человечества бродили разрушительные, проникнутые ненавистью к миру идеи, вокруг которых объединялись группы людей — малые, а порою и очень большие, то были различные секты, религии, учения и т. п. Образцы их известны всякому: в христианстве, например, это павликиане, хлысты, скопцы и проч. XX век подарил миру ленинизм, создав ленинско-сталинский концлагерь в объеме чуть ли не половины земного шара. Признав эту идеологию отражением мирового зла, легко проследить как она порождает распад и разрушение всюду, где проявляется, неважно, в Магадане или на Мадагаскаре".

В pendant Кольчугину, в том же номере, Г. Померанц призывает на помощь тень Г. Федотова. Союз сей двоицы весьма закономерен: оба принадлежат к типу гностиков, умеющих самые простые вещи запутать и из самых ясных и бесспорных фактов получить совершенно неверные, выводы! Федотову в этом деле помогал его несомненный литературный дар, позволявший ему в блестящей форме излагать даже самые абсурдные теории и

развивать самые фальшивые концепции. Померанцу до него далеко, но — он старается.

Федотов был в сильнейшей степени заражен тем духом национального самоуничтожения, которому он сам дал имя мизопатрия. Помню, с каким возмущением читали мы, новые эмигранты, после второй мировой, его эквилибристические построения, и как он удачно сумел угодить делавшим тогда погоду американцам, снабжая их продукцией грамотного антирусизма как раз им потребной.

Однако, когда Померанц воспроизводит подлинные слова своего мэтра, оные вряд ли способны всерьез поддержать его тезисы о недопустимости никакого русского патриотизма и об изначальном превосходстве евреев над русскими. Да вот, пусть читатель судит сам: "Освобожденное духовно с 80-х годов из черты оседлости силой европейского "просвещения", оказавшись на грани иудейской и христианской культуры, еврейство... максимально беспочвенно, интернационально по сознанию и необычайно активно под давлением тысячелетнего пресса. Для него русская революция есть дело всеобщего освобождения. Его ненависть к царской и православной России не смягчается никакими бытовыми традициями. Еврейство сразу занимает в русской революции руководящее место. Идейно оно не вносит в нее ничего, хотя естественно тяготеет к интернационально-еврейскому марксизму. При оценке русской революции его можно было бы сбросить со счетов, но на моральный облик русского революционера оно наложило резкий и темный отпечаток".

Примечание. Нам представляется, что цитата из Кольчугина не может остаться без примечания. Не знаю, почему Маркс это Мордехай, но всем известно, что он был евреем, хотя и принявшим крещение. Но куда девался Энгельс, немец, который уж, конечно, имел гораздо большее значение, чем Лафарг, не внесший ничего нового в учение и ставший известным больше тем, что женился на дочери Маркса. А куда девался Бакунин, соратник и противник Маркса (из соперничества) в 1-м Интернационале, и открытый сатанист? По рождению Бакунин был русским дворянином. А куда девался чисто русский Нечаев, написавший вместе с Бакуниным жуткий "Катехизис революционера", где уже полностью отрицалась нравственность. Там был выдвинут лозунг: "Нравственно все, что полезно революции". Его и перенял потом Ленин. Где тоже русский Ткачев с его призывами "К топору!"? Да и тот же сын священника Чернышевский, написавший не только скучный роман "Что делать?", но и составлявший весьма кровавадные листовки, к тому же ярый атеист. Где Писарев, "развенчавший" Пушкина?

Троцкий, Свердлов и поляк Дзержинский упомянуты, но разве мало было и русских большевиков? Увы. Да и Ленин со всей своей смесью кровей был человеком русской культуры, русского воспитания, проводивший в детстве каждое лето в "дворянском гнезде", в небольшом поместье, купленном его бабушкой. Почему почти все дети этой семьи стали революционерами? Или гражданскую войну выиграли одни евреи и латышские стрелки? Не унижительно ли было бы для русского народа, что он не смог победить эту горсточку людей? Нет, дьявольские помыслы могут овладевать и овладевали и овладевают людьми всяких национальностей. Забывать об этом весьма опасно, а то как раз и попадешь в расставленную дьяволом ловушку.

В. Пирожкова

"Наши вести" № 417. Т. Мурзина начинает свое эссе "Н. С. Гумилев и его "реабилитация" словами: "О Н. С. Гумилеве мы знали по воспоминаниям современников и из русской зарубежной периодики. Все авторы сходятся на том, что он был религиозным человеком и убежденным монархистом. Именно за это в некоторых кругах старались не только принизить его поэтический дар, но даже сделать его не очень умным человеком".

А заканчивает, рассмотрев ряд статей о поэте в советской печати, следующими: "В заключение не могу не отметить и такой факт: Илья Эренбург во вторую мировую войну писал: "Папа, убей немца!" А Николай Гумилев в первую —

...И победу в светлый час даруй
Кто поверженному скажет: милый,
На, прими мой братский поцелуй...

Быть может, именно такое сравнение материалистического и атеистического подхода к человеку с одной стороны, и христианского — с другой и объясняет, почему "реабилитация" Гумилева дается им с таким трудом".

В очерке В. Раевского "Суворов" уточняется, что наш великий полководец "в 1799 году разбил лучших французских генералов; Моро, Макдональда и Жубре". Что-то мы ни о каком Жубре не слышали. Был генерал Жубер; не о нем ли речь?

П. Терский с сочувствием цитирует статью А. Минкина из Москвы, напечатанную в "Новом Русском Слове", "Чья победа?": "Мы с союзниками избавили немцев от фюрера и его диктатуры. Уничтожили режим. И в этом смысле, бесспорно, не победили, а освободили Германию... Мы освободили Германию. Может быть, лучше бы освободили нас?"

"Заря" № 26. Г-н редактор на нас обижаются: "Эмигрантская пресса, проповедующая гуманизм, свободу слова и терпимость, по

разным причинам журнал бойкотирует. Но я предпочитаю такое положение другому, когда о журнале пишут по-хамски, с присущей русским злобой (разве в "Заре" наносились оскорбления какому-либо автору?). Одному такому "критику" из "Голоса Зарубежья" пришлось ответить французской поговоркой: "C'est une Grande Folie d'être sage tout seul!" "Это большое сумасшествие считать себя мудрее всех". После такой скромной отповеди в названном издании журнал перестал упоминаться. Так оно и лучше."

Жалобы сии необоснованны. Читатель может убедиться, что мы о последних выпусках "Зари" говорим в №№ 57 и 58. Как факт, мы ей отводим даже больше места, чем она, — по своим размеру и качеству — заслуживает. А что в наших отзывах является хамским, этого, к сожалению, А. Николаев не уточняет.

В остальном, принцип не отличаться во взглядах от остальных и во всем следовать общественному мнению, формулированный во французской поговорке (довольно коряво переведенной в "La Pointe du Jour") несколько опасен. Вероятно, в соответствии с ним, наш собрат из Ливри-Гаргана до сих пор повторяет стандартные клише о царской России и о Белом Движении, усвоенные им из большевистской пропаганды в бытность в СССР.

Хотя, положим, кое в чем он (а с ним и его сотрудники) проявляет несомненную оригинальность. Но как раз там и такую, какой бы лучше не надо. Например, когда пишет (в разбираемом номере), вопреки правилам, принятым и в зарубежной, и в советской печати, суниты, вместо "сунниты", или, с препотешным французским акцентом Абу Бакр, вместо Абу Бекр (но ведь и французы так не говорят, и даже не пишут! они пишут Abou Bekr). Или когда у него, в прежних номерах, римский военачальник Лабие превращался в Лабиеюса, а персидская царская династия Ахеменидов — в Ашеменидов. Самое, однако, потрясающее нововведение было, когда в "Заре" древнегреческий философ Фалес Милетский получил имя Талес де Миле! Что уж и говорить о гротескных начертаниях как Чауческу, де Голь, Гедемин... И если так обстоит с иностранными словами и именами, то и с русскими не все благополучно: вместо "заманенный", г-н Николаев пишет заманутый (!).

Рецензия П. Ковылева на прекрасную книгу князя С. Трубецкого "Минувшее" поражает своим злобным и до крайности необъективным тоном. Коробит презрительный отзыв о "князьях щербатовых, трубецких, оболонских и других" (отметим типично советское употребление строчной буквы!); если это не хамство, — то к чему сей термин и применять?!

А идеи либерального монархизма, развиваемые Трубецким в его воспоминаниях, заслуживали бы совсем иной оценки! Если бы только правительство им твердо следовало, — революция наверное была бы предотвращена. Но, может статься, г-на Ковылева такой ход событий и не устраивал бы?

"Новый журнал" № 178. Очерк о Пушкине Б. Еверской, "Ссылка", написан живым и легким языком и в объективном тоне. Автор констатирует изумительную гуманность "оклеветанного царского времени". В самом деле, в наши дни она кажется невероятной. Отметим однако курьезную ошибку: молдавский боярин К. Ралло назван господарем. Это — очень высокий сан, принца или князя, по сути — монарха. Ралло его, конечно, не имел. Некоторое сомнение вызывает и упоминание, будто "Черная шаль" основана на "старинной молдавской легенде". Сколько нам известно, исследователи, как ни ищут, а какого-либо достоверного источника для данного произведения пока не нашли. "Вмятина" Б. Гусева — не лишенный интереса детективный рассказ из советского быта, с действием в Средней Азии. Он, впрочем, еще не окончен, — как и "Ссылка".

Из стихов стоит упомянуть только "В изгнании" Е. Полуектовой.

С. Голлербах с умилением вспоминает своего бывшего учителя, профессора мюнхенской Академии Художеств Г. Каспара. Тот сам о своем методе говорил: "Все молодые студенты слишком много о себе думают. Я ставил своей задачей разрушить в них высокое о себе мнение, показать им их ничтожество". Полагаем, — такая манера преподавания есть вреднейшая, и на совести почтенного профессора должно быть много загубленных талантов.

С. Крейд публикует и комментирует переписку М. Цветаевой с В. Рудневым по поводу ее сотрудничества в "Современных Записках". Лучше всего свои отношения с данным журналом резюмировала она сама, в цитируемом здесь же письме Ю. Иваску: "Будь они прокляты — "Современные Записки" — где дело обстоит так: "У нас стихи вообще на задворках. Мы хотим, чтобы на 6 стр. — 12 поэтов".

"Вече" № 38. Лучшее здесь — статья В. Вулич ("Борьба — или смирение?"), которая критикует концепции В. Карпеца и правильно формулирует следующие положения: "Конечно, Россию надо и отмаливать. Но — не только отмаливать! Успех всего, что мы можем, что мы могли бы, делать, зависит от того, сумеем ли мы ввести в жизнь утерянные национальные ценности, найти связь с главным в истории России — тем, что Россию образовало: нравственной свободой... Есть Божья помощь. Но она осуществляется силами

самого человека”.

В перепечатанном из „Литературной России“ очерке Э. Сафонова рассказывается о поездке группы подсоветских писателей национального направления в США и об обстановке, чинимой им левыми кругами еврейства. Акцию сию только и можно квалифицировать как крайне неразумную.

В. Распутин в эссе „О чем звонят колокола“, призывает эмиграцию и живые силы внутри страны объединиться для спасения России: „Без наших объединенных усилий и действий России не подняться“.

В. Острецов („Что нам нужно?“) ликует по поводу румынской революции. Увы, — она окончилась пшиком...

„Новый Московский Летописец“ П. П. грубо и скучно балагурит. Читать его утомительно, — кроме отдельных более или менее остроумных анекдотов, которые он воспроизводит.

Перепечатанная в номере брошюра графа Ю. Граббе „Корни Церковной Смуты“, первоначально опубликованная в Белграде в 1927 г., посвящена важному вопросу о расколе эмигрантской Церкви на юрисдикции. В ней много правды, но выяснить до конца роль влияния, в церковных и общественных делах, тайных организаций как масоны и розенкрейцеры — задача необычайно трудная. Согласимся, что вина в разъединении была на стороне митрополита Евлогия и его окружения. За себя говорит и факт, что Евлогий и Бердяев, тоже активно выступавший против Зарубежного Синода, оказались, в конце концов, в стане советских патриотов.

Отметим в тексте нелепую ошибку: известный английский писатель, сатанист А. Кроули, назван почему-то **Кроубеем**, сперва кириллицей (Кроубей), а потом и латиницей (Crowbey). Подобные промахи не повышают авторитет автора. Который, притом, в позднейшей жизни и в ранге епископа, немало себя скомпрометировал контактами с самозванцем Голеневским, выдававшим себя за ... царевича Александра Николаевича!

Софианские учения, несомненно, восходят ко гностицизму. Насчет же их зарождения и распространения в среде предреволюционной российской интеллигенции, — тема, сама по себе, жгучая и увлекательная! — следовало бы судить всерьез и с осторожностью. А ставить в связь с розенкрейцерами льесу Блока „Крест и роза“ не очень убедительно: в ней ничего специально розенкрейцерского нету.

Интересен отчет В. Т. о съезде православной русской молодежи в Бельгии, где присутствовали подсоветские писатели и журналисты, в том числе В. Солоухин (имевший особый успех), В. Тростников и А. Латынина. Как сообщает автор отчета, съезд показал: „Оди-

наковость отношения всех русских к горбачевской перестройке. Отношение это стало сейчас весьма скептическим. Обнаружить в этом пункте единомыслие было особенно важно для тех, кто приехал из России, так как именно тут они боялись наткнуться на непонимание. Ведь известно, что Запад не просто одобряет происходящие в СССР процессы, но прямо-таки захлебывается от восторга. Но оказывается, что зарубежные русские прежде всего — русские, а потом уже граждане Запада, и критерий оценки любого явления у них один: содействует ли оно возрождению России? ... Дело не в одном лишь материальном аспекте. Россия не возродится, пока не воспрянет духовно, а это невозможно без отмены марксизма-ленинизма, продолжающего быть нашей официальной идеологией, Горбачев разрешает говорить многое, но не дает тронуть ни Маркса, ни Ленина и постоянно заявляет, что выбор 1917-го был правильным и мы никому не дадим отнять у себя завоевания Октября“.

Не вызывают сочувствия злобные нападки некоего С. Г. на З. Крахмальникову. Она-то, — как и ее муж Ф. Светов, — серьезно пострадала за христианскую веру. А какие имеются в этой сфере заслуги за пугливо скрывающимся за инициалами г-ном С. Г. — нам неизвестно. Он недоволен, зачем она критикует Московскую Патриархию. Но ведь вот и Заграничный Синод нередко то же самое делает. Да и мы все, — разве мы можем все ее действия одобрять? Часто, увы, это бывает совершенно невозможно.

„Беларускі Голас“ № 355. Газета выражает горячее сочувствие Литве, с которой белорусов связывают многие исторические воспоминания.

Очень интересная статья за подписью **Личичанский** посвящена вопросу о западных границах Польши и о судьбе славянских народностей, живущих на землях, отобранных у Германии после первой мировой войны, — силезцев, мазуров и кашубов.

Я. Голейко обстоятельно разбирает вопрос о том, как правильно выражать по-белорусски обращение „господин“: **пан**, или **спадар**, или еще как-нибудь иначе? С обращением „товарищ“ дело обстоит проще, оно передается через слово **сябра**.

Полагаем, что **пан** остается наиболее уместным термином, поскольку его употреблял, скажем, белорусский классик, поэт М. Богданович:

Я не самотны, я кнігу маю

З друкарні пана Марціна Кухты.

Нас удивляет резкий протест редакции против сбора на территории Белоруссии пожертвований на восстановление храма Христа-Спасителя в Москве; тем более, что организаторы сбора вполне резонно указыва-

ют, что среди павших воинов, в чью память храм воздвигнут, имелось немало и белорусов. Неужели за то, что они сражались против Бонапарта в рядах русской армии, их нынешние соотечественники подвергают их тени остракизму? В конце концов, Наполеон не питал специальной симпатии к белоруссам, а его войска их деревни грабили и разоряли.

Мы не можем себе вообразить, например, чтобы грузины, хотя бы и самые крайние националисты, стали бы возражать против установления в Москве памятника генералу Багратиону (а может быть, такой уже и есть?). Патриотизм — хорошее чувство; но если с ним доходить до крайности, он заводит в бессердечность, которая никому не полезна и которая не может быть симпатична ни одному разумному человеку, к какой бы национальности он ни принадлежал.

“Кадетская Переключка” № 48. Курьезным образом, наиболее симпатичное в содержании, — исходящее из СССР! А именно, доклад, прочитанный В. Солоухиным в Нью-Йорке, “Россия сегодня”, и приложенные к оному дивные его стихи: “Друзьям”, “Россия еще не погибла” и “Иванушки”.

П. Пагануцци горячо и совершенно необдуманно оспаривает подлинность останков царской семьи, обнаруженных Г. Рябовым. Зачем он старается? Бог его знает.

С. Третьяков, в статье “Русь, камо грядеши?” защищает в общем вполне правильный тезис о невозможности и недопустимости расчленения России.

Журнал ополчается против меня за критический отзыв в “Нашей Стране” о комплиментах его редактора по адресу Горбачева. Только направленные против меня обвинения основаны на недоразумении.

Авторы их распространяются о заслугах затронутых мною Н. Козякина и В. Бодиско перед Кадетским Объединением. Охотно им верю. И таковому Объединению всегда весьма сочувствовал (особенно когда оно верно лозунгу: “За веру, царя и отечество!”).

Но дело в том, что если кто-либо из членов выступает с печатными высказываниями на политические темы, то тут уж он не кадет, а литератор и публицист. И потому не должен претендовать на неприкосновенность во имя своих заслуг перед зарубежными кадетами. Да и очевидно ведь, что здесь речь не идет о взглядах бывших кадет *in cogroge*; как факт, из их же среды слышались уже и возражения г-дам Козякину и Бодиско.

Так лучше будем говорить об их мнениях по существу; а их внутрикадетские достижения оставим в стороне.

Что же таковых мнений касается, — отсылаю читателей к моему анализу “Веча”

(см. выше), где я привожу слова подсоветского писателя В. Т. о разнице в оценках Горбачева у людей в СССР и за рубежом. Надо признать, — хорошо это или плохо, — что я по данному вопросу ближе к В. Т. и его друзьям, чем к Н. Козякину.

“22” №№ 67, 68, 69 и 70. В литературном отделе — ничего значительного. В публицистическом выделим исследование Д. Штурман “О национальных фобиях” (частично напечатанное и у нас). А также статью М. Хейфеца “Логика сталинского террора”, в которой он весьма дельно критикует работу В. Рапопорта и Ю. Алексеева “Измена родине”. В частности, он правильно показывает, что запуганность (отнодь не преувеличенная!) населения в эпоху Сталина была куда больше, чем рисуют авторы. Столь же убедительно возражает он и против приписывания вины за большевизм всему народу (то есть совокупности народов СССР). Согласимся и со следующими его словами: “Не только отсталая (от кого?) Россия, но и любая страна в мире не могла бы, как говорили в моей молодости, “отварить” марксистские постулаты!”

В интервью, данном им журналу, видный подсоветский литературовед В. Кожин формулирует заслуживающие внимания мысли. Прочитируем некоторые: “Я думаю, что в нашей отечественной культуре существует некая общая стержневая линия, связанная, если брать только новые времена (а можно бы пойти и глубже), с такими именами, как А. Пушкин, Ф. Тютчев, Ф. Достоевский, А. Григорьев, Л. Толстой. Их нельзя зачислить только по ведомству “славянофилов” или “западников”; “Россия всегда была многонациональной страной”; “Я глубоко убежден, что политика не только Сталина, но и его предшественников определялась не наследованием черт прежней русской государственности, а тем, что называется тоталитаризмом. Это было общее явление XX века, и его источники надо искать не в русском прошлом, а в реальности нашего столетия”.

Очень жаль, что бравший интервью М. Вайскопф счел уместным к нему прибавить ряд ядовитых и совершенно не идущих к делу инсинуаций по адресу Кожина, вроде вот таких: “Передо мною сидит неинтересный хитроватый публицист холопско-имперского направления”. Их нелепость кричит сама за себя!

Обратим внимание на то, что особое раздражение у комментатора вызвала нижеследующая фраза Кожина: “А масоны собственно для того и существуют, чтобы не было ясно, чем они занимаются”.

Любопытна статья А. Салуцкого “Перестройка — взгляд справа”, пытающегося объяснить израильтянам, что происходит в Советском Союзе, в частности в области

“еврейского вопроса”.

Дадим слово ему самому: “С какой же целью создается видимость, будто “левые”, это евреи, которых преследуют “русские националисты”. Кому выгодно создать впечатление, будто русский народ повел наступление против евреев, будто все наши водоразделы идут по линии “русские — евреи”? Я утверждаю, что источник, причина возникновения таких концепций — это сами наши “перестройщики”, наши русские интеллигенты, русские левые радикалы. На этой борьбе с “антисемитизмом” они наживают себе политический капитал, на самом деле подстегивая и резко усиливая реальный антисемитизм... Поведение наших левых радикалов в отношении еврейского вопроса в СССР опасно и вредно вдвойне: оно опасно для самих советских евреев и оно вредит интересам Израиля... Я не думаю, что левые силы в СССР заинтересованы в погромах, но для меня несомненно, что они — по разным причинам — заинтересованы в разжигании антисемитизма”.

“Континент” № 64. Нечто, в целом, безрадостное. Повесть З. Гареева “Парк” — унылый бред. Охарактеризуем ее взятым из нее же отзывом студента о стихах экскаваторщика: “Плохо. Бездарно!” Восклицательный знак добавляем от себя. Рассказ Е. Богданова “Телефон доверия” — пренуднейшая галиматья с претензиями на политические и философские идеи. Лучше гораздо другой рассказ, “Кафе “Националь”” А. Макарова, из быта подсоветской молодежи, совершенно дезориентированной поклонением Западу.

Пьеса В. Максимова “Музейные ценности” отчетливо делится на две половины. Первая — недурная и довольно живая жанровая зарисовка на фоне московского этнографического музея. Вторая — надуманные трансцендентальные видения, насквозь фальшивые и неправдоподобные.

Стихи в большинстве слабые. Даже И. Лиснянская — далеко ниже своего обычного, прежнего уровня. Н. Панченко действительно отвратителен. Приведем, не без брезгливости, в виде иллюстрации к его творчеству,

**Примечание. Обозреватель выписал только один абзац из весьма примечательной статьи Л. Наврозова, не сказав о ней ни слова. Между тем, она того заслуживает, независимо от того, как к ней относиться, как к возможному описанию реальности или же как к игре ума. Не только среди неспециалистов в политике, но, увы, и среди политиков и политологов распространено одноаспектное зрение. Факты текущей политики толкуются однозначно и притом так, как это кажется визуально правильно на первый взгляд. Мало кто дает себе труд бросить на те же факты хотя только второй взгляд, а еще меньше есть тех, у которых появляется желание заглянуть за кулисы. Может быть, читатель сочтет следующие мои слова несерьезными, но я его заверяю, что я говорю вполне серьезно: политическому наблюдателю было весьма полезно читать криминальную литературу, написанную на высоком уровне. Возьму для примера роман Достоевского “Братья Карамазовы” — пусть читатель не падает в обморок, почти все романы Достоевского — криминальные романы, написанные на самом высоком уровне мировой литературы. В упомянутом романе на судебном процессе по делу убийства Федора Карамазова прокурор толкует все, ставшие известными факты, как*

две строки:

Бывший Сифилис, будущий Триппер,
И девица — лобковая вошь.

Некоторые проблески поэтического чувства, если не таланта, заметны только у С. Липкина, в частности, в стихах о Богородице, кончающихся вопросом:

Молодая — так же ли скорбела
Как теперь Она скорбит о нас?

В посмертных воспоминаниях Н. Эйдельмана об отце, он с особой гордостью рассказывает, что тот, великовозрастным гимназистом, избил своего учителя. Стоит ли уж так-то этим чваниться? Восхищается он и другим пунктом: “Был абсолютным атеистом”. Этим стоило хвалиться в сталинскую эпоху; а теперь оно вышло из моды. Сам Н. Эйдельман оказался, еще при жизни, возведен леваками в ранг божка и кумира за свое провокационное письмо В. Астафьеву. Не напрасно ли?

Редактор бледно перебранивается с писателем А. Рыбаковым и с критиком С. Рассадным. Оба — люди талантливые, и в ответ за словом в карман наверно не полезут.

В нескольких главах из романа П. Алешкина “Время великой скорби” описываются, в довольно сухой форме, события антоновского восстания в Тамбовщине.

Л. Наврозов, в статье “Стремление Кремля к мировому господству”, так высказывается о нынешнем советском вожде: “Уповенный собой, Горбачев заливается соловьем часами ни о чем, а Запад его слушает как замороженный, находя его мудрым, родным и любимым. Но отними у него власть некто Пупкин, и знаменитых речей Горбачева ни о чем не будет слушать даже его жена, не говоря уж о детях”.*

С. Зверев (“Как и кто придет к власти в СССР”) объясняет нам, что местные национализмы, это очень хорошо; а вот русский национализм — бяка. Почему же, собственно?!

Журнал весь проникнут страхом погромов; которых пока нет, и которые более чем сомнительно, чтобы когда-нибудь стали происходить.

подтверждение виновности Мити Карамазова в убийстве отца. Защитник те же самые факты толкует как указание на невиновность Мити. Толкование обвинителя кажется более правдоподобным и присяжные заседателя следуют ему. Тем не менее, толкование защитника соответствует истине, хотя кажется на первый взгляд менее правдоподобным.

Этим я хочу сказать, что большинство становящихся нам известными фактов допускают два или больше толкований. Большинство наблюдателей не хочет об этом слышать. Как это ни странно, но большинство даже умных и серьезных людей толкуют текущие события эмоционально и так же эмоционально взрываются, если другой человек хотя бы пробует нащупать иное толкование известных фактов. Так и статьей Наврозова возмущаются, восклицают: "Я ему не верю". Как будто политический анализ имеет хоть малейшее отношение к вере или неверию. Мне не пришлось встретить человека, который бы спокойно и по-деловому старался опровергнуть тезисы Наврозова, так сказать *sine ira et studio*. Она натывается на гнев и возмущение. Отчего? Может быть, именно потому, что она противоречит тому, чему людям сознательно или подсознательно хочется верить?

В 1984 г. в США вышла книга какого-то крупного перебежчика. Он выпустил ее под псевдонимом Анатолий Голицын и под названием "New Lies for Old". В ней описываются в общих чертах те события, которые начали происходить после того, как Горбачев стал генсеком. Описываются они не как ясновидение и пророчество, а как план, выработанный еще при Андропове и имеющий целью захватить всю Европу, отдав сначала Вост. Европу. Цель этого плана создать атмосферу доверия, создать "общий европейский дом", развалить как Варшавский пакт, так и НАТО (сов. правительство много десятилетий требовало ликвидации обоих блоков), вытеснить тем самым американские войска из Европы и затем прибрать всю Европу к рукам.

На аналогичной концепции строит свой анализ и Л. Наврозов. Вполне закономерно возражение, что сам Сов. Союз разваливается, что разваливается даже армия и что трудно предполагать в сов. правительстве и коммунизме еще столько силы, что такой захват окажется в будущем возможным. Повторяем, такое возражение закономерно, но 1) оно не исключает возможности, что такой план существует или существовал, но что реализация его оказалась советскому правительству не под силу. Они перестали справляться с теми духами, которых они сами вызвали. 2) Однако нельзя полностью и исключить возможность, что оно все же сумеет справиться с этими духами. Эта возможность не исключена до тех пор, пока существует незатронутой вся структура КГБ, как внутри страны, так и за границей. Подспудно существуют еще сети систем аналогичных организаций даже в тех странах Вос. Европы, которые уже стали демократическими, не говоря уж о таких, как Румыния или Болгария. Нужно думать, что подспудные сети есть даже еще в Германии, причем во всей, теперь объединенной. Не надо забывать и о тех левых силах, которые недавно дали хорошо организованный бой полиции в Берлине. Для того, чтобы справиться с ними, пришлось призвать на помощь полицию двух соседних земель. А ведь это была только репетиция. Мы не знаем, насколько разложилась советская армия, но мы знаем, что Сов. Союз продолжает вооружаться и на параде 7 ноября показал сверхмощную ракету СС-25, совсем новую. Пока все эти факторы существуют, к статье Наврозова следовало бы отнестись со вниманием и подвергнуть ее спокойному и трезвому анализу, а не эмоциональному возмущению или полному пренебрежению. В. Пирожкова

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В 1972 году Димитрий Михайлович Панин, русский ученый и философ, решил уехать на Запад, чтобы иметь возможность там закончить и опубликовать работы, задуманные еще во время шестнадцатилетнего заключения в сталинских тюрьмах, лагерях, ссылке. Им и посвятил он шестнадцать последних лет своей жизни. В 1974 по-французски, а затем в 1977 по-русски вышел его "Мир-маятник". В этой книге предложено новое мироустройство, отличительная особенность которого этический контроль, вверенный людям благородного духа — элите людей доброй воли. Их главные принципы: благородство души, быть бесстрашным по завету Спасителя, свобода через полусвободу (достижение высокой свободы возможно при самоограничении и самосовершенствовании), частная собственность незыблема. Новая структура общества предохраняет его духовные возможности от порчи при достижении всеобщего изобилия. Цивилизация, приближаясь, подобно маятнику, к конечной точке размаха, может начать новую осцилляцию, при которой духовные возможности лишь возрастут. Для этого население расселено по разным секторам согласно своим склонностям. Сектор энергии осуществляет индустриальное производство, развивающееся благодаря свободной конкуренции рынка и воздействию Палаты Регулирования. Сектор жизни для мелких

предпринимателей, там создаются и распределяются материальные блага. В секторе духа, главным образом под воздействием мировоззрения, формируется душа человека.

Панин считал, что "достижение сложной цели возможно при последовательных приближениях" ("Теория густот", 1982). В книге "Созидатели и разрушители" он возвращается к мысли об этическом контроле, ибо "только этический контроль способен остановить погружение человечества в бездну". Он призывает людей действовать согласно этическим законам, рекомендует Совецательную Думу, состоящую из отраслевых дум, "созданных на основе драгоценного опыта земств, вполне оправдавших себя в российской действительности".

К мыслям о новом мироустройстве возвращается он и в "Державе созидателей", которую успел закончить перед смертью в ноябре 1987 года. Он предлагает поручить этический контроль службе защиты, говорит о роли духовного благородства в наши дни, считает, что права человека должны основываться на правоте его поведения, рассматривает причины слабости современной демократии, возлагает ответственность на Церковь за воспитание подростков в школе, для возвращения женщины в семью предлагает повысить заработок мужа... В главе "Как наладить жизнь в новой России" изложены конкретные меры, не потерявшие своей актуальности.

В брошюре Солженицына "Как нам обустроить Россию?" (1990 г.) много идей Панина, перечисленных выше. Он тоже говорит, что всеобщее изобилие одно не может быть венцом человечества, что необходим этический контроль в обществе и регулирование монополии производства, подчеркивает роль духовного благородства, предлагает Совецательную Думу, думы по отраслям, земства, комиссию экспертов (у Панина — институт экспертов), возврат женщины в семью при должном мужском заработке, преследование "уголовно тайных союзов" (у Панина — запрет тайных объединений), призывает явить пример бесстрашия по завету Христа, следовать свободе, включающей добровольное самоограничение, считает, что задача высокой трудности может быть достигнута рядом последовательных приближений. Как и Панин, он обеспокоен здоровьем современной демократии и не всегда обоснованным повторением самого модного лозунга "права человека". Список можно удлинить. Сожалею, что Солженицын не назвал имени Панина.

Но Д. М. Панин был убежден, что сильные идеи неизбежно привлекают к себе людей. Вот и пришли светлые идеи Панина с брошюрой Солженицына в сегодняшнюю Россию, Добро сможет победить Зло, и это главное.

Исса ПАНИНА
27 сентября 1990.

ИНФОРМАЦИЯ

Демонстрация на Дворцовой площади в Петербурге. Возле плаката — наш сотрудник В. Иванов-Правдин.

ВОЗЗВАНИЕ

СВ. АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО ХРАМА В ЛЕЙКВУДЕ (ХОВЕЛЛ), НЬЮ ДЖЕРСИ

“Каждый уделяй по расположению сердца, ибо добродотливо дающего любит Бог”. (2 Коринф. 9,7).

Дорогие во Христе православные братья и сестры!

С благословения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей обращаемся к православным христианам, по всему миру рассеянными, с просьбой помочь завершить построение храма Божия во имя святого благоверного великого князя Александра Невского в Лейквуде (Ховелл), Нью Джерси.

В течение двадцати лет Св. Александро-Невский приход бережно собирал пожертвования на построение нового храма, присоединяя к ним и свои неленостные труды в устройстве различных благотворительных мероприятий на эту святую цель. За этот срок удалось собрать половину необходимых средств, и приход решил не медлить с началом постройки. Наше обращение к Первоиерарху Митрополиту Виталию встретило горячую его поддержку, и в день престольного праздника 30 августа 12 сентября 1989 года Владыка совершил закладку основания храма.

К настоящему моменту установлены фундаменты и железная структура, залиты бетонные полы, возводятся каменные стены. Начаты механические работы — водопровод, освещение, отопление и вентиляция, оформлен дренаж прицерковного участка, в ближайшие дни начнутся плотнические работы по установке кровли. По сегодняшним высоким ценам на материал и услугу имеющиеся средства быстро истощаются, и приход не имеет возможности своими силами завершить постройку церкви. С благословения Архиерейского Синода приход ныне обращается ко всем добрым православным людям с горячей просьбой откликнуться на наш зов и включиться в святое и богоугодное дело построения храма Божия в Лейквуде.

Братья и сестры! Многие из нас пережили беспощадное разрушение храмов Божиих на Руси и поправление святынь и дорогих русскому сердцу памятников. Многие из нас потеряли близких в этой неравной сатанинской борьбе. Теперь Господь призывает нас к светлому восстановлению дома Божия, в котором будут возноситься молитвы об упокоении замученных братьев, о благопоспешении ныне страждущих и гонимых за веру православную, где смогут возносить молитвы и получать утешение поколения православных людей.

Почтение о благолепии святых храмов является самым верным средством предпосылки своего достояния земного в сокровищницы небесные. Посему Святая Церковь и молится каждодневно за благотворителей храмов Божиих: “Освяти их, содейлай святыми, прослави их силою Твоею Божественною, сподоби их царства славы Твоя в блаженной вечности!” За что благотворителям храмов такая сугубая милость?! Причина этому та, что из всех благодеяний, какими благодетельствует человек человеку, храмоздание есть самое большое и полезное, ибо храм есть для верующих и училище и больница, странноприимница и место успокоения. В храме “силы небесные невидимо служат”, здесь все дышит благодатью Божией. Поэтому нигде мы не можем получить такого высокого утешения, такого душевного покоя и мира, такой сердечной отрады, как через молитву в храме Божиим. Удвоенную радость обретает в храме радостный; трудами изнуренный, заботами обремененный, скорбью удрученный получает здесь обновление сил и бодрость духа. В храме возвещается благовестие Слова Божия, совершаются спасительные и благодатные Таинства Церкви Христовой. Вот что значит храм Божий для православного христианина! Вот почему храмоздательство на Св. Руси всегда почиталось величайшею добродетелью и было самым любимым делом православных русских людей. Мы лелеем себя надеждой, что каждая добрая душа, до которой дойдет наше усердное прошение, возгорится именно таким сознанием и расположением и откликнется на наш зов.

Да дарует Господь Бог всем жертвователям вечное спасение, здоровье и благоденствие, во всех делах благое попешение, мир и радость духовную.

С сердечной благодарностью

Настоятель Храма и Председатель Строительной Комиссии Митр. Протоиерей Валерий Лукьянов
Председатель Комитета по Сбору Средств Протоиерей Сергей Лукьянов

Просьба пожертвования посылать по адресу:

ST. ALEXANDER NEVSKY CHURCH BUILDING FUND
Alexander Avenue & Route 9, Howell, New Jersey 07731, USA

Записывайте Ваши имена и близких Ваших на ВЕЧНОЕ ПОМИНОВАНИЕ. Пожертвование в размере тысячи долларов дает право жертвователю вписать одно имя на вечное поминовение, с внесением в ЗОЛОТУЮ КНИГУ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ПРИХОДА.

На каждое пожертвование будет выслана расписка. Пожертвования могут быть списаны с дохода, подлежащего налогу.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

